*Многими бедами
страшен и тяжек...*

Афанасий Никитин

*История об открытии русским
купцом-путешественником
XV века*

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Это история об отважном русском купце-путешественнике XV века Афанасии Никитине и его путешествии в Индию.

- Мурашова Катерина
  - Каффа
  - Лиса Винченцо
  - Вниз по Волге да синему морю Хвалынскому
  - Персия — страна за морем Хвалынским
  - На пути в Индию
  - Бидар — столица Бахманидцкого царства
  - Домой, на Русь!

Мурашова Катерина

"АФАНАСИЙ НИКИТИН"

Повесть о тверском купце

Каффа

«Божией милостию приидох в Кафу за 9 дни до Филиппова заговѣнна. Ольо перводнигер!»

Пронзительно скрипнули узкие сходни. Высокий худощавый человек сбежал на берег. Казалось, город оглушил его, и он застыл прямо на дощатой пристани, уронив к ногам увесистую котомку. Никто не обращал на него внимания. Мало ли людей сходит на берег в Каффе? Каждый день в гавани бросает якорь до десятка кораблей из разных концов мира. Прибывает на них и оседает в каффских складах дорогое шерстяное сукно, испанский сафьян, стекло, зеркала, изящная посуда, янтарь, мечи, кинжалы, брони и кольчуги. Множество караванов идет по суше — из далеких областей Азии, Персии, Руси, Сибири и Китая. Везут они в Каффу пушнину, москательные товары, шелковые ткани, драгоценные камни и металлы.

Большой торговый город Каффа. Могучие двадцатиметровые стены и двадцать шесть башен охраняют каффскую крепость и дворец, где живет и правит наместник, консул могущественной Генуэзской республики.

Десять тысяч жителей и гостей города населяют Кафу. Вот и еще один пришелец нырнет сейчас в пеструю толпу и растворится в ее водовороте.

На вид человеку чуть более сорока лет. Годы и пережитые испытания не состарили, но как-то проявили его лицо, прорезав глубокими, выразительными бороздами. Каждому, кто глянет на это лицо, ясно — вот человек, который многое повидал, многое вынес, но не сломился, а лишь закалился и окреп, как закаляется в огне стальной клинок. Волосы его, брови и борода выгорели почти до соломенной белизны. Одет человек странно. На нем хорасанские штаны, арабстан-ская накидка, сандалии, какие

носят на северном побережье Африки, рубаха неизвестного в Каффе покроя. Но самое странное в человеке — это вовсе не его одежда. Глаза. Светло-голубые, с черным ободком вокруг радужки. Как будто тоже выгорели под неизвестным палящим солнцем или выбелены морской солью. Как будто видели такое, о чем вечером у очага не расскажут и в сказках…

Вот человек нагнулся, подхватил свою котомку, поправил кошель на поясе и вошел в толпу.

Толпа в порту многоцветна и многоязычна.

— Эй, господин, не желаешь ли приобрести коня для поездки на север? Ты ведь с севера?

— А вот благовония для твоей красавицы!

— Есть ли у тебя ночлег, господин?

— Возьми финики. Сладкие, как шербет. Даром отдаю, себе в убыток!

— Подай, добросердечный ходжа, на бедность слепому калеке… Во имя Аллаха милостивого и милосердного!

— А вот лалы ормузские… Мимо, мимо…

К. Богаевский. Феодосия

Каффа — центр генуэзских колоний в Крыму (современное название — Феодосия).

Генуя — город в современной Италии, в средневековье — столица могущественной торговой республики. Много лет конкурировала с Венецианской республикой за рынки сбыта производимых товаров и получение прибылей от далеких колоний.

Фарси — персидский язык, на котором говорили купцы во многих странах.

— Поди! И ты поди! — голубые глаза с черным ободком смотрят куда-то вдаль. Или внутрь себя…

И вдруг человек словно споткнулся: старый нищий в

лохмотьях, весь в беловатой коросте безнадежно тянет корявую руку:

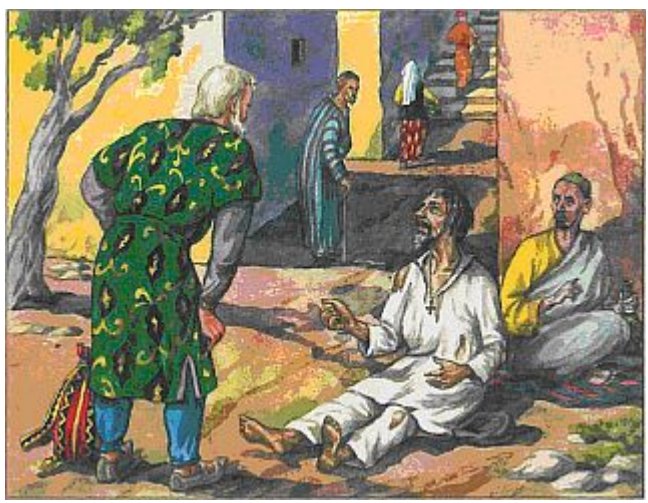
— Пода-айте, Христа ради! Помогите, добрые христиане, ради Христа, ради Его Святой Матери…

Человек, раздвигая прохожих, в три прыжка оказывается рядом со старым нищим. Наклоняется так низко, что едва не падает на мощенную камнем мостовую. Говорит на фарси, слегка задыхаясь, словно после долгого бега:

— Ты… русскую речь… ты, отец, от Руси пришел? — спохватывается, повторяет то же самое по-русски.

— Да, — кивает головой убогий старик, — русич… Пода-ай…

Нищий смотрит на странного человека с опаской и надеждой. По лицу вроде бы и земляк. Но вот одежда… И эти выгоревшие глаза…



Человек развязывает кошель, протягивает нищему большую, тускло блестящую монету. Золотой?! Нищий замирает, не веря, потом скрюченные пальцы хищно хватают монету, и она мгновенно исчезает в глубине лохмотьев.

Странный человек щурится на солнце, вытирает глаза тыльной стороной ладони. Неужто слезы?! Выпрямляется, собираясь уходить.

— Кто ты? — спрашивает с любопытством нищий вслед уходящему человеку.

— Афанасий Тверитя-нин, — отвечает тот и, помолчав, добавляет: — Я пять лет русской речи не слыхал… Теперь вот услышал, будто в родном дому побывал…

— Чудны дела твои, Господи! — вздыхает нищий, незаметно ощупывая монету.

— Как на русское купеческое подворье пройти, знаешь?

— Сейчас прямо иди, в горку. Как ворота крепостные увидишь, повернешь направо. Там вскорости и будет подворье. А ты разве купец?

— А что, не похож разве? — усмехается человек.

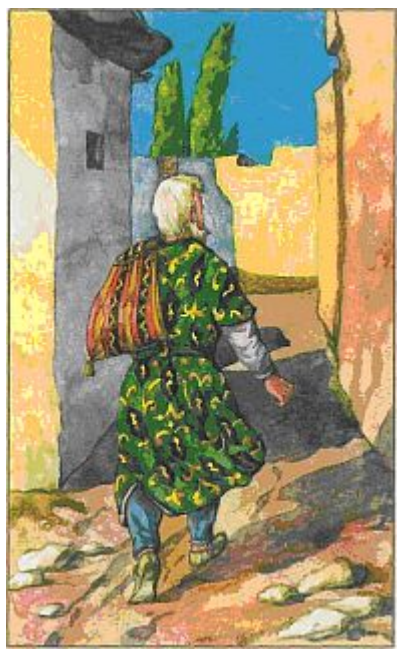
— Да уж и не знаю, — старый нищий снова прячет глаза.

— Ладно, отец, прощай, Господь с тобой!

— Христом спасаемся, милостию Его, — бормочет нищий.

— Истинно так… — задумчиво соглашается незнакомец и идет прочь.

Старик облегченно вздыхает и еще глубже прячет заветную монету.



Лиса Винченцо

«Русская земля да будет Богом хранима; Боже, сохрани
ю! На этом свете нет страны, подобной ей...»

Вино из тонкогорлого серебряного кувшина налил в кубки темнокожий слуга.

— Афонас, торговый гость и гость в моем доме! Воистину ты совершил диковинное путешествие, — восторгался хозяин.

— Хожение мое еще не окончено, Винченцо, — качнул головой Афанасий, пригубливая терпкое душистое вино. — Надобно еще на Русь пройти.

— Пройдешь! Как не пройти! — с воодушевлением воскликнул Винченцо Перотта, помощник и доверенное лицо консула Генуи, Джоффредо Леркари, представитель могущественного Генуэзского банка святого Георгия. — Столько стран и народов ты уж преодолел, столько морских миль проплыл! Тебе, должно быть, сказали, что я — любитель слушать рассказы торговых гостей. Многие диковинные люди морем и сушей прибывают торговать в Каффу, много странных историй и баек рассказывают. Но такого удивительного рассказа мне слышать еще не приходилось! А нет ли у тебя, Афонас, карт тех мест?

— Нет, рисовать пути я не умею, да и готовых карт в Индийской земле не видывал.

— Жаль, Афонас, очень жаль… Но вот что ты обязан сделать! Ты же писать обучен?

— Грамоте разумею. Еще батюшкиными стараниями в малых годах, в родном дому обучен дьяком Димитрием.

— Вот! — искренне обрадовался Перотта. — Так запиши же обо всем, что видел. Это будет документ бесценный. Что мы об

Индии знаем? Байки одни да сказки дикие. Это здесь, в просвещенной Каффе. А на родине твоей?

— Не кори, Винченцо, — Афанасий нахмурился, покачал головой. — Родина моя, Русь, грамотными и мудрыми людьми вельми богата. Ты бывал ли там, говорил ли с людьми смыслеными (мудрыми)? Или тоже байки слушаешь?

— Не сердись, Афонас, — Винченцо огорченно выпятил губу, блеснули живые сливовые глаза. — На Руси я не бывал и тебя обидеть не думал. Тебе верю. Да и должен каждый человек свой родной край ценить и хаять не давать. Так правильно. На том только на чужбине и выстоять можно. Верно я говорю?

— Верно, Винченцо! Ох, как верно сказал ты! — горячо подтвердил Афанасий. — Трудно в одиночку в чужом краю сохранить веру правильную, взгляд прямой! Так и хочется приспособиться, поддакнуть, где надо, промолчать, где выгодно…

— Аи, Афонас… — Перотта затряс головой, как бы вытряхивая что-то из волос, и неожиданно хлопнул в ладоши. — Джакомо-менестреля сюда!

Почти сразу, словно поджидал неподалеку, в зал вошел юноша в лиловых, обтягивающих длинные ноги штанах. В руках он держал лютню. Винченцо кивнул менестрелю, и тот протяжно запел на незнакомом Афанасию языке. Грустная, незамысловатая мелодия, как белый голубь, металась под высокими сводами зала и не находила выхода. Винченцо тосковал вместе с балладой, на его подвижном лице отражалось страдание. Торговый гость слушал вроде бы отрешенно, но вот резким движением рванул завязку у ворота, сжал в руке серебряный кубок. Мелодия смолкла, умолк и голос менестреля.

— О чем он пел, Винченцо?

— О том, как рыцарь отправился в дальний путь с благочестивой целью. Благородная дама осталась его ждать. На пути рыцаря было много препятствий, он сражался, побеждал чудовищ, но где-то потерял себя. И теперь он не знает, куда лежит его путь и ждет ли его еще благородная дама… Я слушал твой рассказ, Афонас, и подумал, что тебе будет близка эта баллада… Я сам люблю ее больше других. Прости, если напрасно растревожил тебя. Долг хозяина развлекать гостя…

— Ах, Винченцо! Ты правильно угадал! Эта песня про меня! Я не мог больше жить на чужбине, но и на любимую Русь иду в тревоге великой. Не потерял ли я себя, как тот рыцарь?!

— Ты глубоко смотришь в мир, Афонас. Ты найдешь ответ. Не знаю почему, но я верю тебе. Я слышал много рассказов торговых гостей. Все они не удерживались от того, чтобы рассказать больше, чем видели, уходили вслед за своим или чужим воображением. Только ты говорил о том, что видел сам. Больше десяти лет я представляю в Каффе Генуэзскую республику. Знаешь ли ты, где моя родина?

И. Айвазовский. Венеция

Неизвестный художник. Панорама Генуи

— Нет, Винченцо, откуда мне знать. Я думал, ты генуэзец.

— Я родился в Венеции, Афонас, и уже больше тридцати лет не видел родины. Джакомо пел венецианскую балладу. Он часто исполняет их для меня. Ты знаешь, Венеция до сих пор снится мне. О, как она прекрасна на рассвете, когда тени дворцов лежат на зеленых водах Большого канала, а тысячи голубей, просыпаясь, воркуют на площади Святого Марка… И гондольер у пристани, тихонько напевая себе под нос, собирает со дна гондолы цветы и факелы, оставшиеся после веселой ночной прогулки. Если бы ты видел, как грациозно скользит гондола по тихой воде…

— Почему же ты покинул Венецию?

— Там я был беден, мой род разорился, и у меня не было будущего. Я был молод. В Генуе и потом здесь, в Каффе, я нажил богатство, сумел сделать карьеру. Теперь у меня большой дом, семья, много слуг, я служу Генуэзскому банку святого Георгия, и в чем-то моя власть больше, чем у самого консула. Но иногда меня мучает мысль: зачем все это, если я не в Венеции? Ты понимаешь меня, Афонас?

— Да, да, Винченцо! Я думал об этом тысячи раз, глядя на

чужое небо и мечтая о Руси. Сейчас я близко от цели, и опять сомнения терзают меня: правильно ли я поступаю, возвращаясь назад?

— За тебя, Афонас! — пылко вскричал Винченцо, пригубил вино и, нарушая все правила этикета, вскочил из-за стола, подошел почти вплотную к гостю. — Слушай, что я тебе скажу. Ты купец судьбой, но поэт в душе. Я такой же, и уже много лет в своих тайных записках изливаю мою тоску по Венеции и размышляю о сути вещей. И ты можешь и должен написать обо всем. И о своих терзаниях тоже. Твой рассказ — кладезь сведений о жизни заморских стран. Я перескажу твой рассказ в своих записках. Но… — Винченцо низко склонился к гостю и понизил голос: — Афонас, ты знаешь, что после падения Царьграда турецкий султан перекрыл проливы, и корабли из Генуи почти не пробиваются в Каффу. Ты не должен никому передавать мои слова, но я уверен, что Каффу скоро захватят турки. Что будет со мной и моими записками? Ты должен написать на своем языке и унести свои записки на Русь. Твои земляки прочтут и будут знать правду об Индийской земле. Все равно ты будешь ждать в Каффе весеннего каравана. Ты напишешь, Афонас?

— Святые люди, паломники, записывают свои хожения. А я кто?

— Ты тот, кто видел незнаемое. Тот, кто может рассказать об этом. Вот рассуди: сам бы ты у себя в Твери прочитал о таком? Если бы не ты, а кто другой написал?

— С великим интересом прочел бы! — горячо согласился Афанасий. — Всегда любил о хожени-ях в дальние места читать!

— Ну вот! — Винченцо торжествующе прищелкнул пальцами. — Убедил я тебя?

— Не знаю, что и сказать. Что ж это получится?

— А вот то и получится. Хожение Афонаса Тве-ритянина… куда хожение? В землю Индийскую?

— Так я сначала еще и через Персию с Божьей помощью прошел, и через Хвалынское море переплыл…

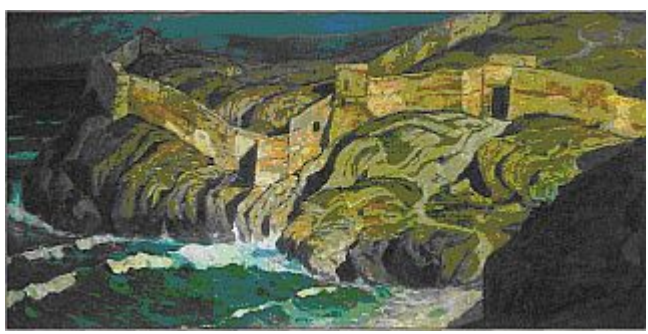
— Вот! Еще лучше… «Хожение за три моря Афонаса Тверитянина»… Как тебе?

— Афанасием Никитиным меня на родине кличут. По батюшке.

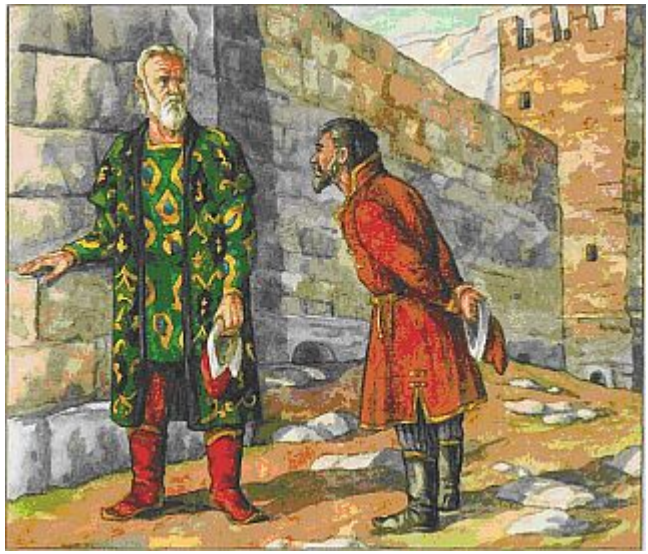
— Значит — «Хожение за три моря Афанасия Никитина». Теперь угодил?

— Хитрый лис ты, Винченцо. Угодил! И вином заморским напоил, и кушаньями вкусными накормил, и песней изукрасил, и в душу мою заглянул, и в свою заглянуть позволил. Как тебе теперь отказать?

Винченцо прав. Турки действительно захватили генуэзскую колонию. Случилось это в 1475 году, менее чем через три года после беседы Никитина с Пероттой. Судьба самого Перотты и его записок неизвестна.



К. Богаевский. Древняя крепость



— О! Я же говорил: глубоко глядит Афонас. Меня так в молодых годах и звали: Лиса Винченцо. А ты угадал!

— Ладно. Я тоже не лыком шит. Хочу с тобой о здешних торговых делах потолковать…

— Что ж не поговорить…

Винченцо быстро вернулся на свое место. На сливовые глаза словно шторки упали. Нету больше Винченцо. Сидит за столом важный генуэзский чиновник — синьор Перотта.

— Слушаю тебя, Афанасий Никитин…

У южной башни поджидал Афанасия чернявый юркий человечек с двумя слугами. Как завидел, бросился навстречу.

— Ну как, как, Афанасий? Не томи, скажи слово! Удалось ли договориться с Пероттой? Он хитрый лис, интересы своего банка ставит выше самой Генуи, а уж какие-то купцы русские ему и вовсе… Донага готов раздеть…

— Так его и звали… — задумчиво сказал Афанасий.

— Кого? — удивился человечек.

— Перотту. В юные годы сверстники звали его Лисой.

— Поделом. Ну что ж, удивил его твой рассказ?

— Удивил… Только непростой он человек. И мысль в мою душу заронил непростую…

— Все непростые, — проворчал человечек, с неудовольствием глядя на отрешенное лицо Афанасия. — Однако купец торговать должен. Прибыль иметь. Или я неправильно говорю?

— Правильно, Григорий, все правильно говоришь, — подтвердил Афанасий. — И я ничего не забыл. Все твои со Степаном торговые вопросы в разговоре ребром поставил.

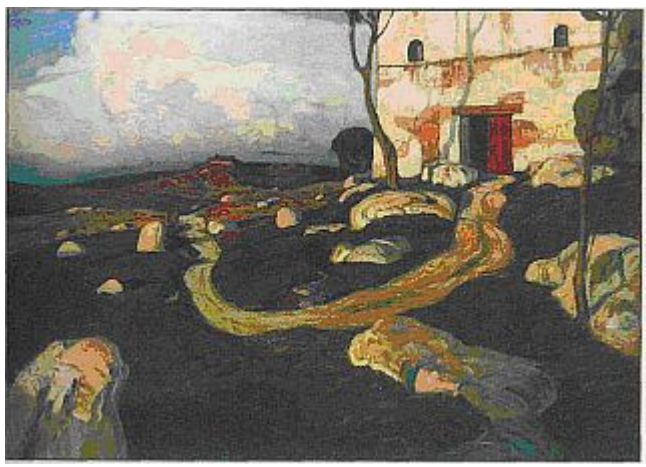
— А сроку-то, сроку ждать сколько?

— До Введения во храм Богородицы обещался решить…

Григорий пожевал губами, прикинул что-то, покивал головой.

— Дай-то Господь, дай-то милостивец, — пробормотал он. — Успеем отторговаться так-то…

«Введение во храм Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии» — праздник православной христианской церкви. Празднуется 4 декабря. Часто в средневековье считали время не по светскому (астрономическому), а по церковному календарю.



К. Богаевский. Старый Крым

И. Айвазовский. Башня. Кораблекрушение

«Дикое поле» — донские степи и земли вокруг них. Этот путь считался опасным, так как торговые караваны на этом пути часто грабили разбойники и кочевые орды татар.

Стило — палочка для письма с заостренным концом.

На русском подворье в ноябре малолюдно. Осенний караван ушел через Дикое поле месяц назад. Остались те, кто не решился с ним отправиться, опасаясь татар, да те, кто, как и Афанасий, прибыли позже и решили зимовать, дожидаясь весеннего каравана. Времени впереди много, вечера темные. Бегут по черному небу серебряные тяжелые тучи, горят промеж них яркие южные звезды, и мягко светит луна, которая одна на все земли. Горит в небольшой палате масляный светильник. Беленые стены, деревянный стол, каменная лавка, накрытая татарским ковром. За столом, сгорбившись, сидит на табурете человек. Перед ним шитая тетрадь, раскрытая на первой чистой странице. В руке у человека стило. Обтерев ладонью лоб, человек оборачивается в красный угол к иконе, истово крестится, обмакивает стило в горшочек с арабстанскими чернилами и решительно выводит первые строки: «За молитвы святых отцов наших, Господи Иисусе

Христе, сыне Божий, помилуй меня, раба грешного, Афанасия Никитина сына…» Остановился, положил стило. — Грешен, ох, грешен! — бормочет Афанасий. Видно, что начало труда дается ему нелегко. Высокий лоб весь в поту, рука чуть заметно дрожит. — Кто я таков, чтоб о делах своих писать?! Перот-та — лис искуситель! Разве бросить все… Скрипят несмазанные дверные петли. На пороге Степан Васильев — московский купец, красивый, голубоглазый, с русой кудрявой бородой по грудь. Настоящий богатырь. На подворье рассказывают, в позатот год в низовьях Дона на его караван ночью разбойники напали. Так он один чуть не дюжину татар раскидал. Говорят верные люди, сами с тем караваном шли, своими глазами схватку видели.

— Ты чего, Афанасий, к трапезе не пришел? — с ласковым укором говорит Степан. — Люди без твоих рассказов соскучать успели. Меня пытают: где Афанасий? А я говорю: разве я сторож ему?

— Пост у меня сегодня.

— Каков же пост? — недоуменно хмурится Степан. — Четверг сегодня. Не перепутал ли ты, брат Афанасий, чего? А ты, гляжу… Чего делаешь-то? По торговым делам подсчеты ведешь?

— У меня свой пост, — терпеливо разъяснил Афанасий. — Чтоб душу и тело очистить. Дело я задумал. Вот с вечерней зори сижу, все не решаюсь приступить.

— Что ж за дело? Богоугодное?

— Надеюсь, что богоугодное, Степан. Очень надеюсь… Хочу вот хожение свое описать…

— О! Это славное дело ты задумал, Афанасий! — оживился Степан. — Рассказами твоими все подворье живет. Славное дело! А ты умеешь ли? — простодушно поинтересовался он.

Афанасий, обхватив руками плечи, застонал.

> В среды и пятницы православные христиане постятся — не едят мясного и молочного. В эти дни разрешено есть рыбу. Четверг — не постный день.

«Дарья» — от персидского «дория» — море. Никитин пишет о трех морях. Их современные названия: Каспийское море, Аравийское море (часть Индийского океана) и Черное море. Кроме того, Никитин дважды плавал по Персидскому заливу.

— Откуда ж мне знать, Степан?! — вскричал он. — Грамоте я обучен. А так… Как же узнать не попробовав?

— Тоже верно, — Степан задумчиво поскреб в бороде толстыми пальцами. — Ну я тебе, пожалуй, мешать не буду, пойду…

Степан вышел, осторожно притворив дверь.

Афанасий снова взял стило и, низко склонившись над тетрадью и высунув от усердия кончик языка, вывел пониже строчкой:

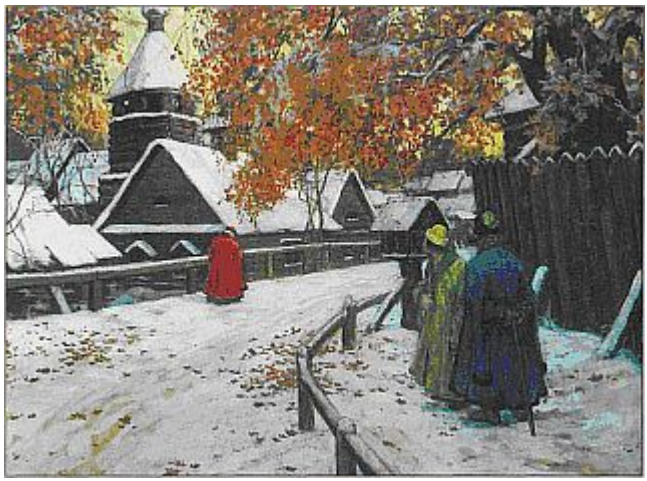
«Записал я здесь про свое грешное хожение за три моря: первое море — Дербенское, дарья Хва-лынская, второе море — Индийское, дарья Гундус-танская, третье море — Черное, дарья Стамбульская.

Пошел я от Спаса Златоверхого…»

Затуманились странные глаза Афанасия. Поплыл в них огонек светильника, растворился, словно дымкой подернулся доселе ясный взгляд. Вспомнил Афанасий родную Тверь, которую уж шесть лет не видал…

Вперед всего вспомнился отчего-то холм над Волгою, с которого любил юноша Афанасий смотреть на родной город.

Уходил на сенокосные поляны, слушал треск кузнечиков, вдыхал медовый запах трав, думал, молился, смотрел на небо высокое, плавно текущую реку… Велика и прекрасна русская земля! Чудно и загадочно устроен мир! Сколько в нем еще неоткрытых и непроявленных чудес! Удастся ли повидать их?



И. Горюшкин-Сорокопудов. Старая Русь

Словно разноцветные грибки рассыпаны маковки тверских церквей. На правом берегу девять церквей, а на левом — больше сотни! Над всем царит золоченый купол каменного собора — Спас Златоверхий.

Тверской кремль-крепость имеет вид треугольника. Самая длинная стена протянулась вдоль берега Волги, другая выходит к речке Тьмаке, а третью отделяет от посада глубокий сухой ров, поросший репьем и колючками. Стены кремля из бревен и жердей, обмазанных глиной. И церкви все, кроме Спаса, деревянные, и дома. Потому и горит Тверь часто. От одного дома

занимается другой, от другого — третий… И так едва ли не треть города может выгореть. Береглись от пожаров, как могли. Только тепло в город придет, ходят по улицам Твери бирючи и кричат:

— Заказано накрепко, чтоб изб и мылен никто не топил, вечером поздно с огнем не ходил и не сидел, а для хлебного печенья и где есть варить — поделайте печи в огородах, подальше от хором; от ветру печи огородите и дубьями ущитите гораздо.

Бирючи *— глашатаи князя. Громко выкрикивают на улицах и площадях его распоряжения и таким образом оповещают о них население города.*

Ширванское царство занимало в то время область прикаспийского Закавказья. Главные города царства — Шемаха (помните Шемаханскую царицу в «Золотом петушке» у Пушкина?), Нуха, Куба и Дербент.

Вспомнил Афанасий и пожар лета 1465 от Рождества Христова. С него, если поразмыслить, и все его скитания начались. Стен кремлевских тогда огонь не тронул, но почти четверть посада превратилась в уголья. Пытались посадские люди пожар тушить, и от князя люди прибежали, да злой ветер разгонял огонь, нес с кровли на кровлю пылающие ошметья. Два дня и три ночи горела Тверь. Тогда и дом Афанасия сгорел почти со всем добром. Хорошо, жена Анфиса с детьми вовремя из дома выбежала, все живы-здоровы остались. Сам Афанасий на пожаре, чинов не разбирая, вместе с дворовыми людьми да слугами работал, руками да лицом обгорел, потом долго кожа клочьями слезала, язвами шла. Как поправился, стал думу горькую думать: как дела поправить, где денег взять, чтоб новый дом справить, сызнова дело торговое начать. Тогда-то и пришла в голову мысль: взять товару в долг и отправиться в Ширван. Там расторговаться, а, вернувшись, новый дом поставить — краше прежнего.

Ложась спать в наскоро возведенной избе, укрывшись лоскутным одеялом, Афанасий с женой мечтали о настоящих хоромах. Как наяву, представлял Афанасий свой новый дом. Три (обязательно три!) этажа — клеть, подклеть и терем для дочки. Крыльцо с пузатыми резными колоннами и крышей навесом. От крыльца вверх — парадная лестница. Ее перила, подпорки, кровля украшены резными петушками, солнышками, листьями, цветами и весело раскрашены яркими персидскими красками. Посмотришь — и душа радуется. Окна по фасаду с золочеными фигурками фантастических зверей, какие в книгах описаны. Афанасий сам резчикам объяснит, как резать.

Теперь уж не только в книгах, а наяву всяких диковинок повидал всласть.

Ставни, которыми окна на ночь закрываются, тоже можно пестро расписать, чтоб уж вовсе красиво было. Мыльню и поварню удалось от огня отстоять, там вода была, успели отлить, а вот конюшню, сенник и сарай для дров — все заново строить придется…

Сад-огород тоже от пожара пострадал. В огороде уж через две недели новая поросль пошла — на пепле все хорошо родится, а вот деревья когда еще восстановятся…

Пока в чужих странах был, наверное, уж и деревья выросли…

А у дома кустов сирени насадить. Дивно сирень росным утром пахнет, ни с чем тот запах не сравнить… Выйдешь летом к заутрене, глянешь на мир с крылечка расписного: солнышко восходящее на золотых куполах играет, колокол малиновым звоном душу гладит, сиреневый дух снизу восходит… Вот так бы и жить…

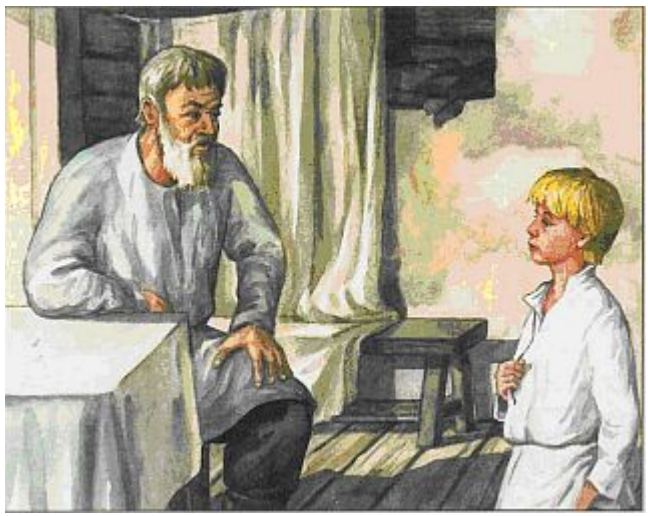
Афанасий до хруста сжал кулаки, глянул в узкое оконце. За окном стеклянная осенняя ночь, чужие смоляные запахи, откуда-то доносится визгливая перебранка на чужом языке да тоскливая песня припозднившейся цикады…

Поднялся, разминая пальцами затекшую спину, подлил из медного кувшинчика масла в светильник. Бросил взгляд на раскрытую тетрадь. Вспомнил, как учился читать-писать у дьяка Димитрия, желчного, болезненного человека, как тыкал Димитрий желтым пальцем в Псалтырь, хлестал Афанасия по плечам хворостиной и кричал тоненько, сердясь на нерадивость ученика:

В старом русском зодчестве подклеть — нижний, обычно нежилой этаж деревянного дома. Теремом называли и высокий богатый дом, и жилое помещение в верхней части такого дома.

Псалтырь — часть Библии, книга псалмов — религиозных песнопений.

На Руси посадом называли торговую часть города.



— Глаголь здесь, глаголь! Неужто не видишь, бестолочь! Первая буквица — глаголь!

Вслед за дьяком Димитрием вспомнилось и все детство, счастливое и беззаботное, в общем-то, время.

Отец Афанасия Никита Босой выбился в купцы из «походячих» торговцев, которые имели всего-то товару на полтинник, да и тот носили с собой. Умен и отважен был Никита, умел выгоду видеть и за себя постоять, потому и сумел к зениту жизни и денег скопить, и жениться, и лавку завести, и дом на посаде построить.

Сына родил поздно, оттого и любил его до безумия, и спрашивал строго.

Вспомнился строгий, неулыбчивый лик отца, обильная седина в густых волосах, в бороде, насупленные лохматые брови.

«Небось, я сам теперь вот так же выгляжу! Годы-то почти те же», — подумалось вдруг, и Афанасий снова устремился следом за воспоминаниями.

— Ты, Афанасий, моего дела продолжатель, — говорил Афанасию отец. — Сейчас должен учиться прилежно да к

торговым делам с умом приглядываться. Разумеешь ли, что говорю?

— Разумею, батюшка, истинно разумею! — кивал Афанасий вихрастой головой, а сам прикидывал, как бы половчее да побыстрее сбежать на улицу к мальчишкам — в салочки да лапту поиграть.

— Так иди же урок повтори. А после обеда приходи в лавку.

— Да, батюшка, — понурившись, отвечал сын. Вот и опять некогда на улице погулять!

Жизнь в купеческом доме начинается рано. Летом с восходом солнца, зимой — часа за три до рассвета. Сутки делятся на две половины — день и ночь. Час восхода — это первый час дня, час заката — первый час ночи.

У Афанасия была своя маленькая комнатка на чердаке, там он спал, там и хранил свои нехитрые пожитки. За эту батюшкину прихоть величали Афанасия на улице — «боярином». Все друзья-сверстники своих покоев не имели — спали в общей комнате с домочадцами.

Утро начиналось с молитвы. После нее все низко кланялись батюшке-хозяину и расходились по своим делам. Матушка хлопотала по дому, раздавала уроки слугам и работникам. Позавтракав, батюшка обходил свое хозяйство, проверял, все ли в порядке, беседовал о том же с матушкой и лишь потом отправлялся в лавку.

В полдень он возвращался домой, и наступало время обеда. Обедали в самой большой комнате. Помолившись, садились на скамьи, прикрепленные к стенам, и «стольницы» — четырехугольные табуреты. Стол всегда был покрыт красивым под-скатерником. Афанасий по сей день помнит вышитого на подскатернике огненного петуха. Мальчишкой он всегда смотрел на него во время молитвы, и казалось, что петух подмигивает ему изумрудным бедовым глазом. К обеду поверх подскатерника стлали скатерть, и петух прятался.

Еда подавалась на стол вся сразу. Варево хлебали из общей миски, соблюдая очередь (первая очередь, естественно, батюшкина), осторожно и неторопливо неся ложку ко рту, подставляя под нее ломоть хлеба, чтоб не капнуло на скатерть.

Урок — это работа, заданная для выполнения в определенный срок.

На Руси считалось, что вышитые птицы оберегут дом от бед и несчастий.

Жареное или вареное брали из общего блюда руками. Перед каждым на столе стояла «торель», в которую полагалось складывать кости и другие объедки. Дети за столом сидели молча, а взрослые могли вести тихую, неторопливую беседу. В батюшкином дому (как и после в дому самого Афанасия) строго соблюдались все посты: в среды и пятницы мясного и молочного не ели, а только рыбное. Великим же постом не употребляли и рыбу, а только овощи да кашу на воде.

После обеда все по обычаю ложились отдыхать. Батюшка с матушкой спали, а Афанасий читал в своей комнатке. Потом, спустя пару часов, каждый возвращался к своим делам. Торговали в лавке часов до шести. После ходили в гости или занимались домашними делами. Затем ужинали.

В десять часов вечера весь дом засыпал.

Мирная, спокойная жизнь. Жить бы и радоваться. Но Афанасия с детства словно тянуло куда-то. Скучно было представить, что так и пройдет жизнь, день за днем, год за годом. Мир, как дивная сказка, лежал где-то вдалеке. Хотелось увидеть своими глазами, потрогать руками.

В 13 лет, глядя в пол и обмирая до мороза внутри, сказал батюшке:

— Вырасту, пойду на «отъезжий торг». Пусть в лавке приказчики торгуют, штаны протирают. А я хочу мир поглядеть, страны дальние…

Хорошо, вольготно прогулялась батюшкина плетка по худой Афанасьевой спине. После последовали разъяснения. Про опасность и ненадежность «отъезжих торгов», про риск потерять не только прибыль и товар, но и саму жизнь, про русские дороги, про татар и иных лихих людей. Афанасий порку вынес, не крикнув, и поучения все стоя выслушал. Остался при своем.

А батюшку пожалел. Один у него сын-наследник, а годы немалые. Вот и боится и его потерять, и дело, своим горбом сотворенное.

Но разве удержишь талую воду, когда она, журча и пенясь, стекает по дну оврага? Разве удержишь горячего коня, понесшегося вскачь?

Батюшка с матушкой, надо отдать им должное, по-всякому удержать пытались. Не получилось.

И вот повидал мир. Но доволен ли? Шесть лет дома не был, жену с милыми ребятишками не видал. Дочка Олюшка теперь уж невеста. Да и сыновья, небось, такими сорванцами выросли…

Афанасий покачал головой, облизнул потрескавшиеся губы. Нет! И дай Господь прожить жизнь заново, ничего не стал бы менять! Каждому Господь посылает свое испытание, и надо с честью его выдержать. Нет у Господа напрасных путей. Значит, и его, Афанасия, путь не напрасен. «Все, что видел, что пережил, — мое! И тысячу раз прав Лиса Винченцо — надо, обязательно надо рассказать о том…»

И Афанасий вновь склоняется над тетрадью…

Вниз по Волге да синему морю Хвалынскому

«И приѣхал есми с ними на низ Волгов. И Казань есмя проѣхали доброколно, не видали никого, и Орду есмя проѣхали, и Услань, и Сарай, и Берекезаны есмя проѣхали…»

После пожара да пришедшей мысли о торгах в долг Афанасий ждал оказии, потому что купцы в те времена в одиночку по дальним странам не ездили. Вместе оно безопаснее да и веселее тоже.

Ждать пришлось недолго. С полгода до того к государю Московскому Ивану III приехал от владетеля Ширванского царства Фаррух-Ясара посол по имени Хасан-бек. Привез посол в Москву дорогие подарки и торговые предложения от своего господина, ширваншаха. Переговоры прошли успешно, и в знак своего расположения Иван III послал в подарок Фаррух-Ясару девяносто охотничьих кречетов и в свою очередь снарядил своего посла, тверитянина Василия Папина.

Услыхал Никитин, что из Москвы едет посольство в Ширван, а во главе посольства — земляк, и обрадовался. Решил он вместе с несколькими товарищами-купцами присоединиться к посольству и отправиться в Ширван торговать.

Взял Афанасий товару в кредит, накупил мехов, которые тогда называли еще на Руси «мягкой рухлядью». На Востоке русские меха очень ценили, и, торгуя ими, можно было получить очень большую прибыль. Если повезет да ума хватит, то и в сотни раз можно полученные деньги приумножить. Афанасий в свою торговую смекалку верил, да и выхода у него особого не было. Долг отдавать надо? Надо! Дом заново отстраивать? Добром взамен сгоревшего обзаводиться? Приданое подрастающей дочке?

То-то и оно!

Снарядили тверичи два судна и в лето 1466 года поплыли вниз по Волге.

Благополучно проплыли Калязин, Углич. В Костроме взяли великокняжескую грамоту — пропуск за границу Руси.

В Нижнем Новгороде купцов постигла неудача. Посол Василий Папин, с которым они собирались там встретиться, уже отплыл. Посоветовавшись, тверичи решили дождаться посла ширваншаха — Хасан-бека и плыть вместе с ним.

Через две недели прибыл Хасан-бек. Вместе с ним возвращались на родину шестеро бухарских купцов, которые приезжали торговать в Москву, и несколько московских купцов, тоже решивших испытать торговое счастье на богатом Востоке.

Заплатив все пошлины, маленький караван двинулся дальше, вниз по Волге к морю.

Вблизи Астрахани путников поджидала беда. Когда купеческие суда вошли в Бузань (рукав Волги, вытекающий в пятидесяти километрах выше Астрахани и у Красного Яра соединяющийся с рекой Ахтубою), им повстречались трое астраханских татар. Они и сообщили путникам, что хан Касим хочет ограбить торговых гостей и сторожит на дороге вместе с тремя тысячами татар.

Купцы — люди отважные, да и у посла своя охрана, но татар слишком много! Поразмыслив над ситуацией, Хасан-бек решил нанять предупредивших его татар, чтобы они как-нибудь тайком провели суда около Астрахани. В качестве платы за услугу татары получили по кафтану и по куску полотна.

Ночью стали пробираться мимо засады. Луна освещала камышовые плавни, пронзительно кричали потревоженные птицы. Хасан-бек нервничал, Афанасий, знающий языки, перешел со своего судна на посольское и, как мог, успокаивал посла и его спутников. Сначала казалось, что все обойдется. Но вот с узкой боковой протоки послышался гортанный крик!

— Качьма! (Стой!)

Предатели-проводники привели купеческие суда прямо к засаде!

Русские не остановились и попытались уйти от татар. Но судно, на котором были все товары Афанасия, запуталось в рыболовных снастях, расставленных рыбаками в протоке.

Тем временем татары на узких стругах подошли вплотную. Завязалась перестрелка. В темноте убили одного купца-москвича и двух татар. Русские с маленького судна перебрались на корабль посла и, пока татары грабили запутавшийся в сетях корабль, судну посла удалось вырваться из протоки в море. Второе из русских судов село на мель. Татары догнали его, забрали четверых купцов в плен, а остальных отпустили, ограбив дочиста.

Так вышли в море два судна. На одном находился посол, шесть восточных купцов и десять русских, среди которых был и Афанасий. На втором — шесть московских и шесть тверских купцов.

На этом беды купцов не кончились. В море налетела на них буря и начала трепать утлые суденышки. Капитан посольского судна оказался более опытным и сумел удержать корабль, вывести его подальше от берегов, а судно с русскими купцами выкинуло на берег у Тархи (крепость на дагестанском побережье Каспийского моря).

Набежали к месту крушения горцы-кайтаки, смуглые, белозубые, в меховых шапках. Поглядели, а грабить на судне уже нечего. Вай-вай! Что ж делать? Захватили и увели в плен самих купцов. Может, хоть так какая выгода случится?

Судно же посла тем временем благополучно бросило якорь в Дербенте — одном из городов Ширванского царства.

В Дербенте Никитин и его товарищи застали посла Василия Папина, который избегнув напастей, прибыл в Дербент, где и встретился с Хасан-бе-ком. Таким образом, их дело благополучно завершилось, и даже кречеты в деревянных ящиках, обитых изнутри сукном, почти все были живы и исправно поедали кроликов и кур, которых посольство живьем везло с собой.

К Василию Папину и отправились Никитин и его товарищи с просьбой, чтобы он похлопотал о пленных купцах, О том же били челом и Хасан-беку. Оба прислушались к мольбам купцов и просили ширваншаха принять меры к освобождению русских. Фаррух-Ясар благоволил и Папину, и Хасан-беку, который удачно провел переговоры с московским князем и благополучно довез бесценный дар для царской охоты. Не медля, он велел послать письмо к кайтакскому князю, который к тому же приходился ему родственником.

И. Айвазовский. Восточная сцена

«…Судно русское разбило под Тархи, — писал ширваншах, — и кайтакы людей поймали, а товары их розграбили… и ты мене деля люди ко мне прислал и товар их собрал, занеже те люди посланы на мое имя».

Родственник ширваншаха уважил просьбу. Товары, естественно, к тому времени уже исчезли без следа, а пленных людей кайтакский князь честно возвратил в Дербент.

Собрались русские купцы все вместе и стали думать: что же им теперь делать? Русь далеко, товары разграблены. Решили идти в койтул (становище) к ширваншаху и просить его о милости. Ширваншах принял торговых гостей ласково, напоил шербетом, накормил пряным мясом и сладостями, пригласил танцовщиц. Горю купеческому посочувствовал, но в помощи отказал.

«И мы, заплакав, да разошлися кои куды», — вспомнив тогдашнее отчаяние, записал Афанасий в тетради.

Разумеется, Афанасий тогда не плакал. Но положение ограбленных русских купцов в Дербенте и впрямь было незавидным. Те, у кого основное имущество осталось дома, кто не влезал, как Афанасий, в долги, чтобы отправиться в Шир-ван, отправились домой на Русь вместе с удачливым посольством Василия Папина. Но тому, кто поехал торговать на деньги, взятые в долг, возвращаться назад нельзя. Дома у такого неудачника не только продадут все имущество за долги, но и самого посадят в

тюрьму — долговую яму. Поэтому купцы победнее остались в Шемахе, столице Ширвана, а некоторые отправились в Баку, надеясь там подзаработать, чтобы не возвращаться домой вовсе уж с пустыми руками.

П. Кузнецов. Азиатский базар

Афанасий тоже отправился в Баку. У него при себе оставался один тючок со шкурками соболей, который он прихватил с собой, когда переходил на корабль посла.

Холодной осенней ночью вспоминает Афанасий свои тогдашние терзания.

«Что делать? Продать в Баку оставшийся товар, которого едва хватит, чтобы вернуть долг, возвращаться на Русь и там начинать все сначала? Не лучше ль попробовать поправить свои дела здесь, на Востоке? Или вот — за Хвалынским морем лежит богатая Персия. Может быть, с Божьей помощью, удастся расторговаться там?»

Афанасий представил себе серые глаза Анфисы, через край плещущие радостью от его возвращения: «Муж мой, Афанасий! Вернулся, лада мой!»

Афанасий знал свою жену. Ни словом, ни взглядом не упрекнет, но куда от себя-то деваться?

«Нет! Нету пути назад! Что ж, Афанасий? Ты ж с детства мечтал страны заморские поглядеть! Видал уж немало — в Литве бывал, да в Турции, дав Грузии, да в Валахии… Но то обычные купеческие пути. А вот выпал случай-нужда увидеть вовсе незнаемое. Неужели струсишь, Афанасий?»

Валахия — область на юге Румынии, между Карпатами и Дунаем.

Персия — страна за морем Хвалынским

«А Гурмызъ есть на островѣ, а ѣзденъ поминать его море по дважды на день… А то если городы не всѣ писал, много городок великих. А в Гурмызе есть солнце карно, человѣка сожжет…»

С Персией торговля у Руси давняя. Русские купцы везли туда меха, медь и полотно, а из Персии на родину — главным образом шелк.

Жизнь в Персии протекает в основном в многочисленных долинах гор и на узкой приморской полосе. От Белуджистана до Исфагана на тысячи километров протянулась пустынная земля, лишь изредка разбавленная оазисами с клочками возделанной земли. Котловины с высохшей солью, ни кустика вокруг, а за небольшой горной грядой — пустыня с зыбучими песками. Лишь весной эта пустыня ненадолго покрывается растительностью, и тогда сюда приходят кочевники с многочисленными стадами овец и коз.

Зато долины Персии можно спутать с райским садом. Здесь растут апельсины, лимоны, виноград, фиги, и все это увито благоуханными плетьми роз.

Из Баку Афанасий переправился Каспийским морем в Барферуш. Здесь, недалеко от Барферуша, в селении Чебокар, Никитин прожил полгода, знакомясь с торговлей, с людьми. Потом начал разъезжать по Персии. В большом городе Орее присутствовал Афанасий на представлении персидской мистерии о гибели Гусейна-бин-Али, внука Мухаммеда. Справляли мистерию в первые дни мохаррема, первого месяца мусульманского лунного календаря. Мусульмане-шииты в это

время предаются печали, ходят в темных разорванных одеждах, а особо усердные в вере даже наносят себе раны кинжалами, бьют сами себя цепями. Как объяснили Афанасию знающие люди, эти дни установлены в память битвы при Керебеле, когда, по преданию, был убит Гусейн, сын четвертого халифа — преемника Мухаммеда-Али.

На открытом помосте без всяких кулис и занавеса актеры нараспев читают стихи о том, как Гусейн восстал против Омейядов, неправедно захвативших власть, но был убит по повелению халифа Йезда, а с ним погибли почти все его родственники. Уцелели только жены Алидов и несколько детей. Во время представления особенно впечатлительные слушатели громко рыдают и раздирают на себе одежды.

Побывал Афанасий и на Бахрейнских островах, что у аравийского побережья Персидского залива. Здесь добывают жемчуг, который почти весь доставляют на продажу в Ормуз, а оттуда он рас- пространяется по всему свету. На Руси этот жемчуг издавна называли «гурмыжскими зернами». Здесь услыхал он и легенду о том, как родится жемчуг. Якобы в апреле раковины поднимаются на поверхность воды и принимают в себя капли весеннего дождя. Затем они снова опускаются на дно моря, и к началу лова, в июле, эти капли затвердевают и превращаются в жемчуг.

Мухаммед (Магомет) — основатель и пророк ислама. Ислам — религия, основы которой изложены в священной книге Коране. Люди, исповедующие ислам, поклоняются богу Аллаху и называются мусульманами.

Ормуз, или **Гурмыз** — находился на побережье Персидского залива.

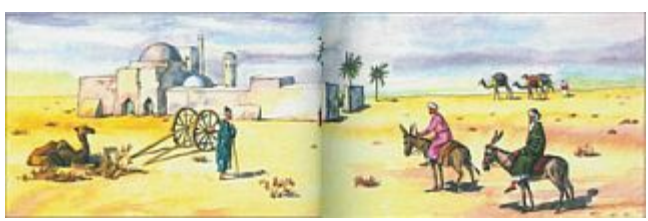
Фарси (персидский язык) — официальный язык Ирана, который до 1935 г. назывался Персией.

Выезд на охоту. *Персидская миниатюра XV в.*

«Гурмыжские зерна» на Руси ценятся высоко, грех свою выгоду упускать. Но лишних денег нет, есть лишь опыт. Афанасий — опытный купец, знает, где дешевле купить, знает парьсянский (фарси) язык, потому и снесся напрямую с самими бахрейнскими ловцами. За торгом они и рассказали ему, что «земля у них — серебро, а море — жемчуг», но раковины между тем никуда весной со дна не поднимаются. Лежат, как лежали. Кому и знать, как не ловцам? А жаль все-таки немного: про застывшие капли дождя — это красиво.

Дальнейший путь Афанасия лежал на Ормуз. Здесь уже начинаются края незнаемые, известные на Руси только понаслышке. Стало быть, и писать надо подробнее.

Ормуз — маленький бесплодный островок Персидского залива в нескольких милях от берега. Сюда привозят индийские товары, и отсюда же начинаются торговые пути к Черному морю, в Среднюю Азию и через Ширван на Русь. На Ормузе нет даже пресной воды, нет ничего, кроме голых скал, но за обладание им дрались сначала персы с арабами, а потом и англичане с португальцами. Про Ормуз говорят, что «если бы мир был кольцом, то Ормуз был бы перлом в нем».



«Гурмыз же есть пристанище великое, — записывает Никитин в свою тетрадь. — Всего света люди в нем бывают, и всякы товар в нем есть, что на всем свете родится, то в Гур-мызе есть все…»

Несмотря на бесплодие почвы и отсутствие воды (ее привозили в барках с материка, как и землю), в Ормузе цветут пре- красные сады. Женщины ходят в роскошных тканях и, как царицы, увешаны драгоценностями. По ночам в городе не смолкает музыка. А на задворках всего этого великолепия сотни ремесленников и бедняков погибают от безводья и болезней. Жара в Ормузе ужасающая. Но местные жители умеют с ней бороться. Днем улицы города покрывают коврами и циновками, чтобы ноги не прикасались к раскаленному камню, над улицами натягивают тенты из ткани, на перекрестках стоят верблюды с бурдюками с водой. Когда налетает самум, жители залезают в искусственные водоемы и сидят в них, пока палящий ветер снова не улетит в породившую его пустыню.

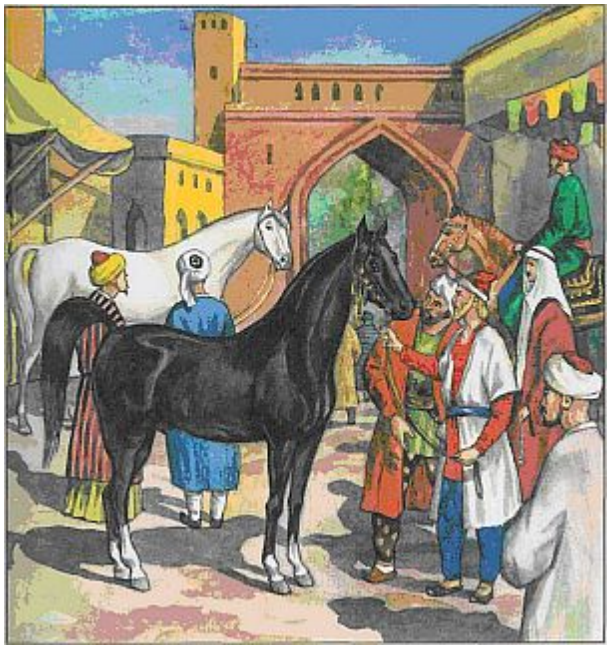
Самум — арабское название сухого горячего ветра, который часто сопровождается песчаными бурями.

Крытый рынок. *Рисунок из древнего манускрипта*

Очень удивляли Никитина морские приливы и отливы, повторявшиеся дважды в день. «Куда ж это вода уходит? — размышлял Афанасий и не находил ответа. — И какая сила ее уводит, а потом назад возвращает?»

Прожив в Персии почти полтора года, Афанасий подсчитал свои барыши и опечалился. Как ни экономил, как ни урезал расходы, на Русь возвращаться еще не с чем. И тут дерзкая мысль посещает Афанасия. Персидские купцы, с которыми беседовал Афанасий на постоялом дворе, рассказывали, что в далекой Индийской земле, родине пряностей и сказок, отчего-то совсем не родятся кони. Поэтому индийцам приходится ездить и возить товар на волах и буйволах. А хороший конь имеет в индийской земле огромную ценность.

И вот решился Афанасий. Отправился на конный рынок и выбрал там чудесного аргамака-трехлетка — масть вороная, шкура бархатная, ноздри шелковые, глаза темным огнем блестят. Сам Афанасий в породистых конях не очень разбирался, но еще в молодых годах в Валахии подружился он с цыганом-коноводом, и тот его научил:



— Если сомневаешься, думаешь — не твой конь. Своего коня сразу увидишь, оторваться не сможешь. Увидел — купи. Где хочешь денег достань, но — купи. Все равно в выгоде останешься.

Так все и вышло по цыганскому слову. Поглядели Афанасий с аргамаком друг другу в глаза—и слово сказано. Купил Афанасий коня.

И отправился вместе с конем за второе море — за море Индийское.

Аргамак — старинное название породистых верховых лошадей в странах Востока.

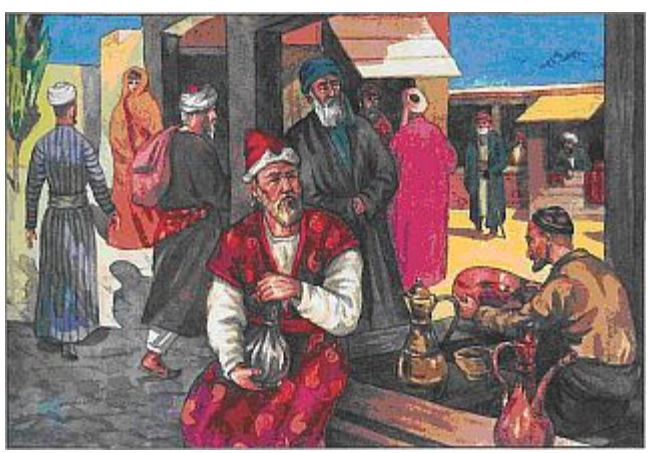
На пути в Индию

«И тут есть Индийская страна, и люди ходят всѣ наги, а голова не покрыта, а груди голы, а власы в одну косу заплетены, а всѣ ходят брюхаты, а дѣти родятся на всякый год, а детей у них много. Й мужики и жонки всѣ нагы, а всѣ черны... Й князь их — фота на голове, а другая на гузне; а бояре у них — фота на плещѣ, а другая на гузне, княгини ходят фота на плещи обогнута, а другая на гузне. Й слуги княжие и боярьские — фота на гузне обогнута, да щит, да меч в руках, а иные с сулицами, а иные с ножи, а иные с саблями, а иные с луки и стрелами; а всѣ наги, да косы, да колкаты, а волосокъ не брент. Й жонки ходят голова не покрыта...»

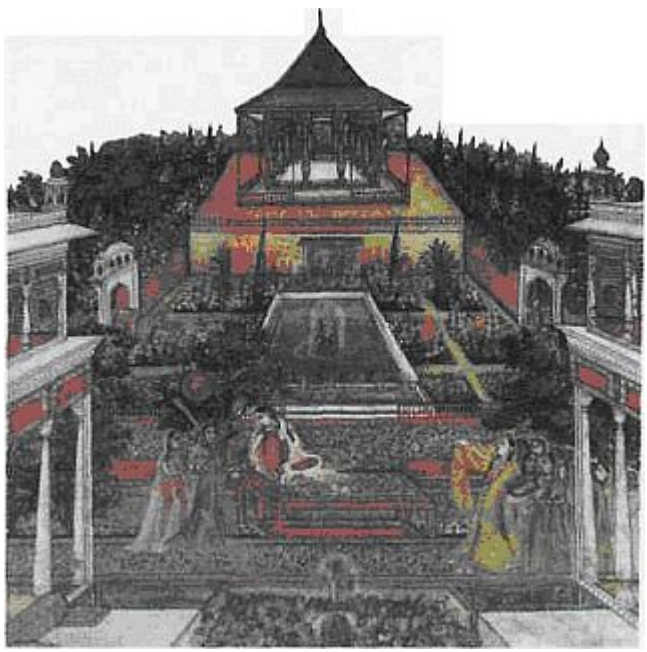
Оставили Ормуз и до индийских берегов плыли на таве шесть недель. Тава (или даба) — это небольшой беспалубный корабль около 25 метров в длину и 6 метров в ширину. Капитан гордился тем, что его тава собрана без гвоздей. Наблюдая бескрайнюю ширь океана, Афанасий старался не думать об этом хвастливом утверждении. При плавании тавы по обычаю держались берегов и при любом серьезном волнении прятались в бухточки. На пути в Индию приставали в Мошкате и Голате — городах на оманском берегу Аравийского полуострова. Там пополнили запасы пресной воды и продовольствия. Морское путешествие Афанасия утомляло, болела голова, подташнивало, и потому в аравийских портах он своего обычного любопытства не проявлял. Вдоволь напоил и выгулял коня, а потом сидел на берегу в тенечке и медленно пил оршан — местный прохладительный напиток, чем-то напоминавший родной квас. В конце концов не удержался и пошел на торговую площадь расспрашивать о ценах на коней и драгоценности в недалекой уже Индии. И вот наконец первый город на индийской земле — Камбей. Сотни кораблей стоят в гавани. Отсюда везут в Персию, Сирию, Турцию и Аравию

шелковые и хлопковые ткани. Вокруг самого города на многие мили протянулись хлопковые плантации. Здесь, в Камбее, не только торгуют, но и производят ткани — алачу-ткань из сученых шелковых и бумажных ниток, киндяк — бумажную набойчатую ткань, пестрядь-ткань из разноцветных ниток.

Дважды (чтоб не забыть) Никитин записывает в тетрадь о производстве знаменитой синей растительной краски индиго (ниль). Любопытство погнало его посмотреть на то, как ее делают. Смолу, собранную с определенных растений, сначала высушивают в тени, а потом снова плавят и через шелковое сито отцеживают от примесей. Эта же смола идет на приготовление лаков. Люди в Камбее не менее интересны, чем товары. С людьми Афанасий всегда знакомился и сходился на диво быстро и легко. Купцу без такого таланта — никак. Не поймешь людей, всякая торговля себе в убыток будет. И языки Никитину легко давались. Смолоду выучил татарский да литовский, потом и парьсянский, и смесь восточных языков, на котором хорезмские купцы говорили, и даже «лингва франка», на котором объясняются меж собой купцы из Европы, ганзейцы и другие… А индийцы — что ж? Не прошло и месяца, как прибыл в Индию, а Афанасий уже употребляет местные названия товаров («ахык» — сердолик; «лот» — соль), может объясниться на рынке и рассказы местных жителей о своей земле и ее обычаях, хоть и через слово, но понимает.



Торговое судно. XIII в.



Дворец индийского раджи с садом и фонтаном

В то время, когда Афанасий прибыл в Индию, Камбей был одним из самых больших городов Гуджарата — независимого

мусульманского государства. Правил Гуджаратом крутой нравом Махмуд-шах Г Байкара. Всякие истории рассказывали на базаре про Махмуд-шаха. Если все за правду взять, так получится, что он может в одиночку слона завалить, ведро риса съесть, против целой армии противника с одним мечом в поле выехать и победить. Никитин байки про Махмуд-шаха слушал, но не особенно-то им верил.

Были и другие диковинные и жестокие истории, которые передавали шепотом темнокожие люди, поклонявшиеся не Аллаху, а своим исконным индусским богам. Им Афанасий отчего-то доверял больше. Махмуд-шах I Байкара сильно притеснял индусов и очень боялся их мести. В Индии умели мстить. Орудием мщения мог послужить не

только кинжал или стрела, но и яд. Чтобы избежать опасности отравления, Махмуд-шах, по словам рассказчиков, придумал интересный способ. Он стал приучать себя к ядам. Начинал понемножку, а потом все увеличивал и увеличивал дозу. К каждой еде слуги подавали ему яды, и он сам клал их в различные кушанья. Постепенно вся еда шаха стала смертельной для обычного человека. Теперь, если Махмуд-шах желает кого-нибудь казнить, он приглашает его к обеду, и несчастный испускает дух после первых же глотков. А сам Байкара настолько пропитался ядом, что даже мухи, садящиеся ему на руки или лицо, дохнут…

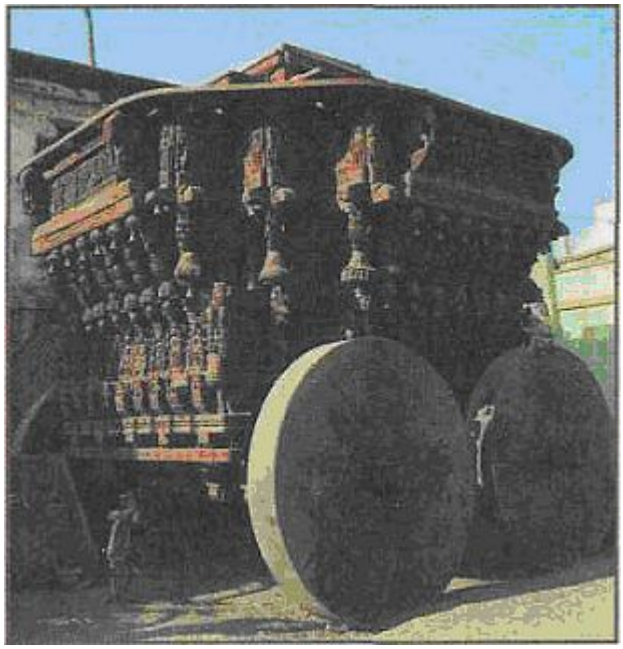
В тетрадь Афанасий этого не пишет. Сам ведь не видал, как мухи на шахе злой смертью помирают!

Афанасий встает, подходит к узкому окну. Холодный луч звезды ложится на каменный подоконник. Высокий бархат неба с тихим сиянием Млечного пути, горы с редкими огоньками пастушьих костров, грозно вздыхающее вдали море. Все — творение Божье! Но как имя его? Кто знает истину, кроме Него Самого?

— Господи! Господи! Господи! — молится Афанасий в звездную ночь. — Откликнись на глас мой! Поддержи меня в трудах и сомнениях!

От Камбея еще шесть недель плыли по морю. Афанасий уже притерпелся к морским путешествиям, с интересом глядел на берега, в меру своих возможностей разговаривал с попутчиками, а больше — с полюбившимся ему аргамаком. Конь слушал, прядал бархатными ушами.

Высадились в Чауле, крупном порту на западном побережье Индостана. Тут Никитин и осознал наконец: приплыли. Так и записал в тетрадь: «И есть тут Индийская страна».



Ритуальная каменная повозка. Индия

Рисунок из индийского манускрипта

Больше всего удивили в Индийской стране люди: всех оттенков кожи, от почти угольной, до светло-бежевой, ходят они почти нагишом, и всей одежды на них — кусок яркой ткани, обернутый вокруг бедер. «А паропки (мальчики) и девочкы ходят нагы до 7 лет», — записывает Никитин, вспоминая индийских ребятишек.

И вот удивительно, почти на каждом дорогие золотые украшения. Кольца здесь носят не только на пальцах рук, но и на пальцах босых ног. Браслеты также. Кроме того, почти у каждой девочки или женщины — золотые серьги и какое-нибудь украшение на шее.

— Вот бы Олюшке такие колечки! — сразу же разохотился Никитин, представив изящные колечки и звенящие браслетики на тонких пальчиках и щиколотках дочери. — А Анфисе — вот такую висюльку с солнышком…

Голубоглазый, светловолосый и светлобородый Никитин вызывал у местных жителей не меньшее удивление, чем они у него. Ребятишки бегали за ним, показывали пальцами, женщины тихо щебетали меж собой, разглядывая исподтишка, мужчины останавливались, смотрели с интересом, иногда шли следом.

«Яз хожу куды, ино за мной людей много, дивятся белому человеку», — записал он в тетрадь и улыбнулся, вспомнив необидное, веселое любопытство темнокожих людей. Жизнь в Гундустане очень дорогая. «Два с полтиною алтына на день харчю идет», — пишет Никитин. Получается, что в день Никитин тратил семь с половиной копеек. Для сравнения: в те времена корова на Руси стоила 2–3 рубля. Из Чаула Афанасий вместе с жеребцом отправился в глубь Декана, через Гатские горы. Здесь почти нет лесов, идти легко, но жара и засуха донимают путников. Следующая остановка — Джу-нир, крепость на горе, про которую индийцы говорили, что она никем не построена, а сотворена непосредственно богами. Крепость практически неприступна для врагов, в нее ведет узкая тропа, и подниматься по ней нужно целый день.

В это время в Индии начался сезон дождей. Никитин провел его на подворье для путешественников — дхарме-сала. Здесь было чисто и уютно. Для путешественников-мусульман выстроена маленькая мечеть, где они могли помолиться Аллаху, для индусов — есть жрец-брахман, который совершал необходимые обряды.

Начинается сезон дождей в июне. «В те же дни у них орють (пашут) и сеють», — записывает Никитин. Выращивают индийцы пшеницу, рис, горох, просо и другие злаки.

Но именно здесь, в уютном и спокойном прибежище, Никитина поджидала беда. Наместнику Джунира, Асад-хану, кто-

то рассказал о дорогом аргамаке Афанасия, и он отнял жеребца. Выяснив, что Никитин не мусульманин, а русский христианин, он призвал его к себе и пообещал вернуть жеребца и еще дать тысячу золотых, если Афанасий перейдет в мусульманскую веру. За отказ пригрозил посадить ослушника в тюрьму.

Принятие ислама — простой обряд, и Никитин хорошо это знал. Многие европейцы в Индии не колебались бы на месте Афанасия. Например, венецианец Конти, побывавший в Индии в первой половине XV века, отказался от христианства и этим значительно облегчил себе жизнь. Но для Афанасия предать веру отцов было равносильно измене Родине, Руси.

Всего четыре дня отпустил на размышление Асад-хан. На счастье Афанасия, повстречался ему в эти дни хорасанец Махмет, с которым он познакомился и сдружился еще в Персии. К нему и обратился с просьбой Никитин: «Бил челом ему, чтобы ся о мне печаловал». Друг-мусульманин понял тревогу и печаль Никитина. Он отправился к хану и «отпросил» Никитина, чтобы его «в веру не поставили». Даже жеребца и то вернули. «Чудо Господне на Спасов день!» — записывает Никитин.

При первой возможности, как только слегка просохли дороги, Афанасий отправляется дальше, в Бидар.

Бидар — столица Бахманидцкого царства

«В Бедери же их стол Гундустану кесерменскому. И град есть великъ, а людей много велми. И салтан невелик — 20 лѣт, а держат бояре, а княжат хорасанцы, а конят все хорасанцы».

В своей тетради Никитин пишет, что Бидар — главный город всего мусульманского Индостана. На самом же деле в то время это была столица Бахманидского царства. Там торговали конями, камкой, шелком, съестными припасами и рабами. Сначала Никитину показалось, что для Руси никакого товара в Бидаре нет. И вообще, после коварства джунирского наместника он злится на всех и вся: «Люди в Бидаре все черныя, а все злодеи», — пишет он, вспоминая тогдашние впечатления.

Из Бидара Никитин поспешил в Аланд, где 1 октября начиналась большая ежегодная ярмарка. Но вот беда — на ярмарку привели слишком много коней, и здесь Афанасию не удалось выгодно продать своего аргамака.

> **Хорасанец** — выходец из Хорасана (северо-восточная область Ирана). Хорасан — центр Парфянского царства.

Зато наслушался на ярмарке легенд и сказаний из разных краев Индии. Самое, на его взгляд, правдоподобное, решил записать в тетрадь:

«Есть в том Алянде птица гукук, летает ночи, а кличет «кукук»; а на которой хоромине седить, то тут человек умреть, а кто ея хочет убити, ино у нея изо рта огнь выйдет…»

Странно все это, конечно, но вот ведь темнокожий торговец украшениями сам видел и рассказал Афанасию, как индийский раджа разрушил недавно выстроенный дворец только потому, что ястреб-стервятник посидел на его крыше. А что до огня изо рта, то индийские факиры на рынке каждый день проделывают это помногу раз на потеху народу. Отчего же птица так не может?

Еще очень позабавили Афанасия в Индии обезьяны, похожие на маленьких пушистых человечков. В Бидаре они ходят по улицам, воруют съестное и такие смешные гримасы при этом корчат… Индийцы обезьян, так же как и змей и коров, не трогают и все им позволяют. Священные животные… У индусов даже бог есть в образе обезьяны, Хануман. Богом обезьяну называть грешно, поэтому Никитин пишет: «обезьяний князь». У обезьяньего князя есть свои войска, он ведет войны, а детей у обезьян рождается так много, что лишних они бросают на дорогах. Люди иногда подбирают их и обучают всяким ремеслам, а также и танцевать. Никитин сам видел — лазает обезьянка на пальму и скидывает хозяину большие мохнатые гундустанские (кокосовые) орехи. А уж танцующих обезьянок на ярмарке едва ли не больше, чем огромных жуткого вида змей в корзинах у факиров. Индус играет на своей дудке-сопелке, а змея вылезает из корзины, раздувает капюшон и раскачивается из стороны в сторону. Жуть!

После ярмарки Афанасий снова воротился в Бидар и прожил здесь почти четыре месяца. В этот раз он лучше рассмотрел город и ближе познакомился с людьми, его населяющими. «Град есть велик, а людей много вельми», — записал Никитин в тетрадь. Потом вспомнил могучие стены и огромный султанский дворец в восточной части города. Чтобы попасть во дворец, нужно пройти семь ворот. Внешние ворота покрыты куполом, который изнутри раскрашен яркими красками. Внутри же красота такая, что Никитин, хоть и повидал много, застыл на дороге, раскрывши рот. «Двор же его чюден вельми, все на вырезе да на золоте, и последний камень вырезан да золотом описан».

В. Верещагин. Факиры

Бронзовая скульптура изображает Ханумана, бога-обезьяну. Он мудрый помощник и символ героизма и силы

Афанасий ошибается. На самом деле на момент пребывания Никитина вБидаре Мухаммед-шаху IIIисполнилось всего 16 лет.

В. Верещагин. Тронный зал Великих моголов Шах-Джахана и Ауранг-Зеба в форте Дели

В воротах стоят стражники и расспрашивают и записывают всех, кто входит в город. Имеешь при себе соль или табак, то нужно заплатить пошлину. Окончательное же решение — пускать или не пускать — принимает комендант крепости. Ночью город охраняют конные «кутовало-вы» (губернаторские) люди с факелами в руках. Живет во дворце и правит в Бидаре великий султан Мухаммед-шах III. Молод султан на диво, недавно 20 лет исполнилось. А правит с 9 лет, после безвременной смерти своего отца, а потом и старшего брата, Низам-шаха. Понятно, что управлять огромным царством девятилетнему мальчику помогали советники. И сейчас еще помогают. А любимым занятием султана остается охота да парадные выезды. Будучи в Бидаре, Афанасий наблюдал такие выезды не раз, и они произвели на него огромное впечатление.

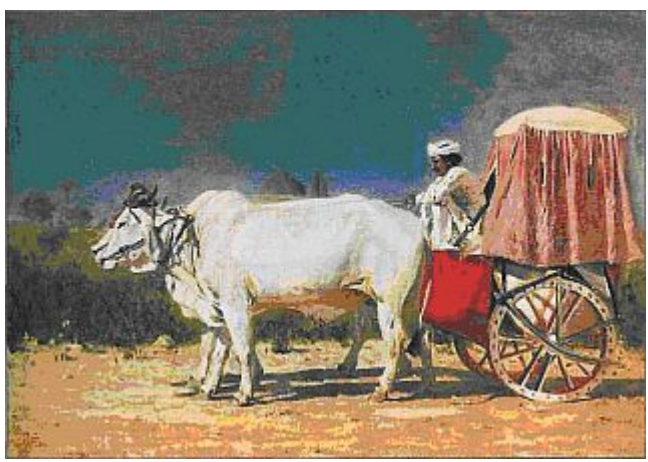
«Это подробно описать надо, чтоб, кто читает, представить мог», — размышляет Афанасий и склоняется над тетрадью.

«Султан выежжаеть на потеху с, матерью да с женою, ино с ним чело-веков на конех 10 тысящ, а пеших 50 тысящ, а слонов водят 200 наряженных в доспесех золочо-ных, да пред ним 100

человек трубников, да плясцев 100 человек, да коней простых 300 в снастех золотых, да обезьян за ним 100, да наложниц 100, а все гаурыкы (юные девушки)».

Это обычная прогулка султана. Бывают еще праздничные выезды. Тогда в шествии участвуют еще визири и другие высшие сановники царства со своими свитами. Вместе с матерью и женою султана выезжает специальная стража из двух тысяч конных женщин-воинов. Оглушительно рокочут барабаны в руках сидящих на верблюдах барабанщиков. Полунагие женщины-рабыни несут воду для умывания и питья. Сам султан буквально усыпан драгоценностями, а впереди всего идет «благой», специально обученный слон, наряженный в парчу и золотые доспехи, который размахивает цепью и никому не дает приблизиться к султану. Самоцветные камни и золото сверкают на солнце. Драгоценные ткани переливаются всеми цветами радуги, звучит музыка, ревут слоны и верблюды, поют певцы, свистят флейты-свирели, изгибаются в танце грациозные танцовщицы, рычат звери, которых ведут на цепях, и неистово вопит восхищенный народ, созерцая шествие своего владыки. Потрясающее зрелище!

Даже сейчас, в ночной тишине, вспомнив и описав все, Никитин потряс головой, словно вытрясая из ушей шум, сопровождающий парадный выезд Мухаммед-шаха III.



В. Верещагин. Повозка в Дели

«Придох же к Бедерь о заговейнѣ о Филипокѣ не Кулонгѣря, и продахъ жеребца своего о Рожествѣ. И тут кых до Великого заговейна в Бедери и познался со многыми индѣяны. И сказах им вѣру свою, что есми не кесерменинъ исляденинин есмь християниинъ, а имя ми Офонасей, а кесерменьское имя хозя Исуфъ Хоросани. И они же не учали ся от меня крыти ни о чемъ, ни о вѣстѣ, ни о торговле, ни о мандзу, ни о иных вещех, ни жон своих не учали крыти».

Понятно, что простому русскому купцу до самого султана, как до солнца. Но вот к сановникам да советчикам его стоит присмотреться.

«Княжат все хоросанцы, и бояре все хоросан-цы», — пишет Никитин. Первый сановник Бида-ра — Махмуд Гаван (Мелик-Тучар боярин — называет его Никитин). Махмуд Гаван происходил из знатного персидского рода, но его семья впала в немилость и бедность, когда он был еще совсем маленьким мальчиком. В юности он много путешествовал, торговал и учился у разных мудрецов. Своим нынешним положением он был обязан исключительно своему уму и прочим добродетелям.

Гаваном (то есть «коровьим») прозвали Махмуда вот после какого случая. Сидели как-то высшие сановники на террасе вместе с прежним еще султаном и наслаждались прекрасным вечером. Вдруг в сад забрела корова и, остановившись у террасы, начала громко мычать. Ученого Махмуда лизоблюды-сановники ненавидели и очень хотели унизить его в глазах султана.

— А вот не скажет ли ученый министр, который якобы знает все на свете, — ехидно осведомился один из сановников, — о чем говорит эта корова?

— Она говорит, что я из ее рода, — быстро ответил Махмуд (надо помнить, что в Индии корова считалась священным животным). — И не должен разговаривать с ослом.

Воистину мудрый и интересный человек!

И вот еще что интересно для Афанасия: в конюшнях у Махмуд Гавана стоят две тысячи отборных коней. Не там ли место драгоценному аргамаку?

Познакомился Афанасий с приближенным визиря, бывающего

на обедах у Махмуд Гавана. Встретились, поговорили о разном, бесермен-ских сладостей поели. Приближенный визиря Малик, из принявших ислам индусов, с интересом послушал рассказы Афанасия о Руси и сам рассказал много интересного. Например, о том, как вернулись войска султана из дальнего похода и привезли много добычи, в том числе драгоценных камней. А Махмуд Гаван запрещает продавать эти драгоценности купцам и ювелирам и, пользуясь своей властью, все скупает задешево сам.

Золотой храм Нанака. *Рисунок из индийского манускрипта*

Танцующий Шива. *Бронзовая скульптура из Южной Индии*

Б. Немтинов. Путешествие Афанасия Никитина по Индии

— А султан и не знает ничего, — усмехнулся Малик. — Ему бы все потехи да прогулки.

— А не мог бы ты поспособствовать мне жеребца повыгоднее продать? — соблюдя все приличия, Афанасий приступил к делу. — Чудный жеребец, самого султана достоин! Поможешь продать, и тебя выгодой не обижу! Темные глаза Малика лукаво заблестели. — Отчего не помочь достойному человеку? Сведу тебя с конюшим Махмуд Гавана, моим двоюродным племянником. Он в лошадях толк знает, даст тебе настоящую цену.

Жеребец конюшему понравился. Стали сговариваться о цене. И тут Малик помог, подсказал выгодный ход. Договорились, что часть стоимости жеребца Афанасий получит драгоценностями, что привезли из похода и даже пересчитать и записать в казну еще не успели. Часть — монетами, а разницу по объявленной за жеребца цене заберет себе конюший и поделится с казначеем и дядей Маликом. Таким образом, все довольны.

Продав коня, получив деньги и понадежнее схоронив драгоценности, Никитин дал волю своему неуемному любопытству. Мусульмане «бесермены» были для него более-

менее ясны. Их веру и обычаи он наблюдал еще на нижней Волге, в Персии, да и в самой Индии. Другое дело коренное индийское население. С ними Афанасий общался много и охотно, расспрашивал о еде и молитве, об обрядах и праздниках.

Из Бидара вместе с индийцами отправился Афанасий в Парва-ту, на праздник, посвященный индуистскому богу Шиве.

«К бутхану же съеждается вся страна Индейскаа на чюдо Бутово», — записывает Никитин.

Скульптурный цоколь храма, построенного в 1141 году в Халебиде

Наскальный рельеф «Нисхождение Гати на землю»

Древнейший храм, посвященный Вишну

Бут — идол, здесь, скорее всего, Шива — индуистский бог. Шива-ратри — праздник ночи, посвященный богу Шиве. Основан на древней легенде о нечестивом охотнике, который, боясь диких зверей, ночевал на дереве. Всю ночь охотника мучил голод и холод, он дрожал и поэтому с дерева падали листья и роса на священный столбик-лингам, посвященный Шиве, который как раз стоял под этим деревом. Когда охотник умирал, за его душой явились посланник бога смерти Ямы и посланник Шивы. Между ними разгорелся великий спор. И, несмотря на все злодейства, совершенные охотником при жизни, его душу все же забрал посланник Шивы, ибо своим невольным постом, бодрствованием и каплями росы, кропившими лингам, охотник в ту страшную ночь почтил великого бога.

Адам — согласно Библии, первый человек, сотворенный Богом. Возможно, здесь речь идет о Пуруше — первочеловеке, из частей которого, согласно индуистским воззрениям, и образовался этот мир. Но, может быть, Адам, о котором пишет Никитин, это — Великий Брахман, различными воплощениями которого являются другие индуистские боги.

Вахара — бог-вепрь. Третья аватара, воплощение бога Вишну

Ганеша — слоноголовый бог мудрости, сынбога Шивы

«А Парвати то их Иерусалим», — записал Никитин для тех христиан, которые будут читать его записки. Индусы, к которым

примкнул Никитин, направлялись на праздник Шива-ратри. Здесь же, в Парвате, разворачивалась и торговая ярмарка, по поводу которой был у Никитина свой, купеческий, интерес.

Храмы в Парвате поразили Афанасия. Долго ходил Никитин вокруг храма, рассматривал каменные барельефы, на которых вырезаны «деяния Бутовыя», чудеса, которые он творил, да множество образов бога, в которых он являлся своим поклонникам: человек, слон, обезьяна и так далее.

«А всех вер в Индее 80 и 4 веры», — записывает Никитин. Поговорив с индусами о сущности и содержании их веры, Афанасий понял это так: индусы веруют в Адама, а Буты — это и есть Адам и его род.

Многие обычаи индийцев показались тогда Афанасию интересными и достойными описания.

Теперь, морща лоб, потирая его рукой и вспоминая, он записал о том, как индусы моют перед едой не только руки, но и ноги, как люди разных вер и каст не садятся есть вместе.

Написал про то, что индусы едят только правой рукой и не пользуются при еде не только ножами, но и ложками. Едят индусы только днем, и ни одна из множества индусских вер не позволяет есть говядину, то есть мясо священного животного. Для верующего индуса корова — представительница на земле богини Бхагавати. Все, что получается от коровы, даже коровий навоз, исполнено святости и благодати.

Дальше Афанасий вспомнил, как знакомый индус пригласил его на праздник по поводу рождения сына. «Имя сыну дает отец, а дочери — мати», — записал он.

Много диковинных и красивых вещей увидал за морем Афанасий. Много странных обрядов и легенд узнал. Но кому рассказать об этом? Вот бы жене, детям, товарищам-купцам… От этих мыслей подступала к горлу тоска по родине. Вспоминались тихие заводи речки Тверцы, шумная торговая площадь на посаде, где все говорят по-русски…

— Афанасий! Что с тобой?! — слышен от порога испуганный голос. — Что ты бормочешь?

Афанасий подскакивает на табурете. После бессонной ночи мерещится, что кто-то черный и страшный пришел требовать с него ответа за невольные грехи, допущенные в путешествии.

— Ах, это ты, Гридка! — вглядевшись, с облегчением вздыхает он.

— Аз есмь, — ухмыляется чернявый московский купец Гридка Жук. — А ты что подумал? Пришел к заутрене тебя звать. А ты, никак, всю ночь не спал?

— Писал вот, — Афанасий невольно прикрывает рукой

тетрадь.

— Мне уж Степан сказывал. Хорошее дело. Но не всю же ночь себя изнурять! — рассудительно добавляет Григорий. — К заутрене-то пойдешь?

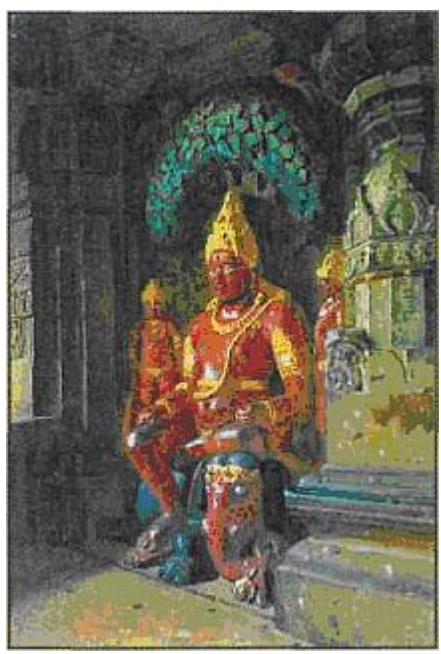
— Пойду! Непременно пойду! — вскакивает Афанасий, захлопывая тетрадь. — Грехи мои молить-отмаливать надо!

— Да уж-то, — хитренько улыбается Гридка. — Заполошился! Бог милостив, грешников прощать любит. Не согрешишь, не покаешься…

— Не мели, Гридка! — строго говорит Афанасий. — Ишь язык, что твое помело!

— Тоже мне, праведник выискался. Ни в чем меры не знает! — бормочет Гридка, выходя вслед за Афанасием на крыльцо.

Каста — в индийском обществе замкнутая группа людей, связанная общей судьбой и занятиями. Браки между разными кастами невозможны и даже простое общение затруднено. Существуют высшие и низшие касты. Человек высшей касты мог принять пищу от человека низшей касты только в крайней нужде.



В. Верещагин. Статуя Вишну в храме Индры в Эллоре

Домой, на Русь!

«Азъ же ко многыя помышлениа кладох, и рекох к себѣ: «Горе мнѣ, окаянному, яко от пути истиннаго забакухся и пути не знаю, уже камо понду. Господи Боже вседръжителю, творець небу и земли! Не отврати лица от рабища твоего, яко вѣ скорби есмь. Господи! Призри на мя и помилуй мя, яко твое есмь создание...»

Другой вечер, месяц спустя, зимний колкий ветер воет в кронах деревьев. Афанасий стоит у окна, светлым пятном видна белая рубаха. Огонек светильника трепещет над столом.

— Надо дело докончить! — вслух говорит он сам себе. Голос его звучит глухо, надтреснуто. Глаза горят горячечным блеском. Лихорадка, подхваченная еще в Индии, уже который день не дает покоя. — Помру, так хоть память останется.

Затосковав по родине, Афанасий принял решение пробираться домой, на Русь.

— Зачем тебе? — убеждал Малик, который за это время крепко подружился со светловолосым чужеземцем. — Что там, на Руси? Тебя уж, небось, давно погибшим считают. Да и не отымет ли твой князь все за долги? У наших князей совести мало, и денег всегда не хватает. У ваших разве не так? Вернешься ты из заморских стран, нежданный-негаданный, всем чужой, обвинят тебя в чем-нибудь и всю прибыль отберут в казну. Прими мусульманскую веру, как я. У тебя сметка купеческая, у меня связи при дворе султана, вместе мы таких дел наворочаем…

— Ты пять молитв совершаешь, я — три, ты здешний, я чужестранец, — ответил Никитин. — В чем смысл? Никогда не будет так, как ты говоришь.

Малик разозлился.

— Да, тебе не стать мусульманином, — согласился он. — Но ведь и христианином тебя назвать уже нельзя! Не думай, что на

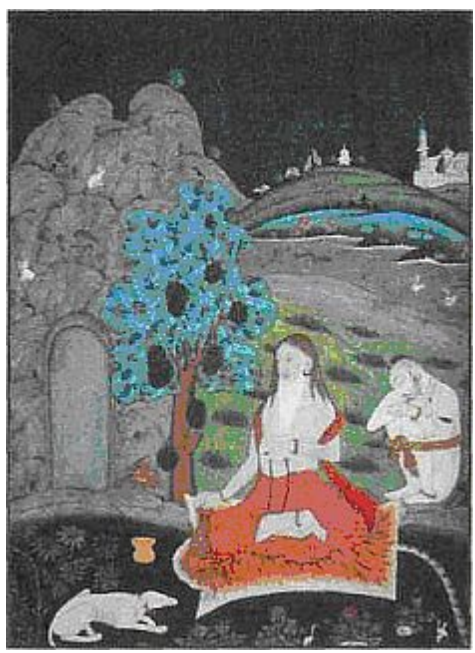
Руси этого не заметят!

Слова Малика — как нож по сердцу Афанасия. Он уж и сам в себе сомневается, а тут еще и Малик такое говорит!

Расстались почти врагами. Вышел Афанасий из дома Малика на улицу, взглянул на бездонное звездное небо. Звезды-то должны быть такими же, как над родной Волгой. Хоть в них поддержку и утешение найти! Ан нет! И звезды на чужбине другие!

«Волосыны (Плеяды) да кола (Орион) в зорю вошьли, а лось (Большая Медведица) головою стоит на восток», — вспоминает Никитин.

И тут же поплыли перед глазами тихие омуты и низкие берега Тьмаки с заливными лугами, бескрайние просторы Заволжья, бледно-голубое и бесконечно нежное родное небо.



Гуру с учеником. Миниатюра из индийского манускрипта

И. Левитан. Над вечным покоем

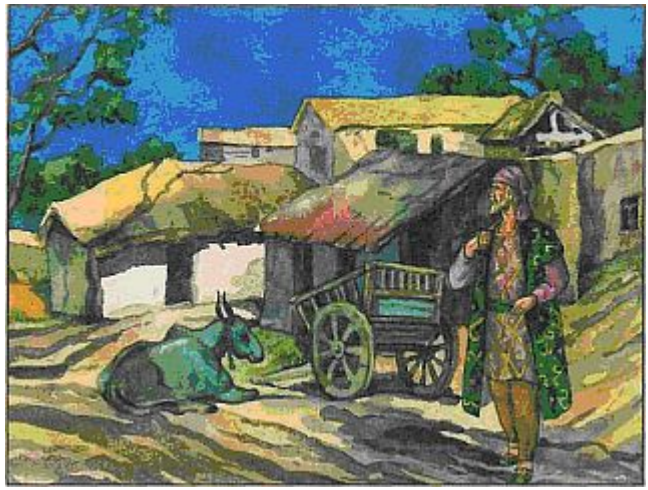
Аннам — название, данное китайскими императорами части территории Вьетнама. На востоке полуострова Индокитай есть Аннамские горы.

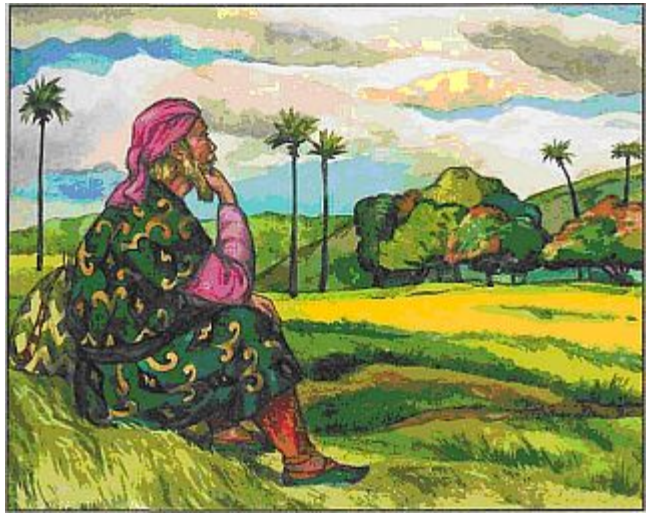
На Русь! Домой! Чего бы ни стоило!

«Разные есть на свете страны, и все они хороши, — лихорадочно ловя ускользающую мысль, записывает Никитин в свою тетрадь. — Всем они обильны, но нет прекрасней Руси! Пусть хранит ее Бог! На всем свете нет страны, подобной ей!», — и опять пишет, мешая русские слова с персидскими и индийскими, называя Бога то на мусульманский, то на христианский лад, но это уже не мешает Афанасию. Слишком много вер и обычаев он узнал, слишком много стран, городов и храмов посетил. — «А правую веру Бог ведает, — записал он недавно в тетради. И сейчас слова его, слова любви к Родине, единственной и неповторимой, вырываются из самого сердца. — Да станет земля русская благоустроенной! Господи, сохрани ее! Боже, Боже, Боже!»

Написал, перечитал, и словно отпустила, расслабилась мягкая, но безжалостная лапа, сжавшая сердце.

По-деловому перечисляет Афанасий страны, в которых не бывал, но про которые достоверно слыхал в Индийской стороне: Цейлон, Бирма, Чин и Мачин (Китай и Индокитай), Шабаит (Аннам). Описывает, что в этих странах продают и покупают. Вдруг другие купцы пойдут по его следам, руководствуясь «хожением» Афанасия? Для них и запись.





Потом вскользь описывает свои поездки в Райчур, к алмазным копям.

Поездки, предпринятые по совету Малика (который, как и все индийцы, долго сердиться не умел), прошли более чем удачно. Удалось задешево купить много неплохих алмазов и сердоликовых украшений, на которые так искусны индийские мастера. Об этом в записках ни слова. Но какой же купец по всему свету будет рассказывать о своей торговой удаче! Только беду кликать…

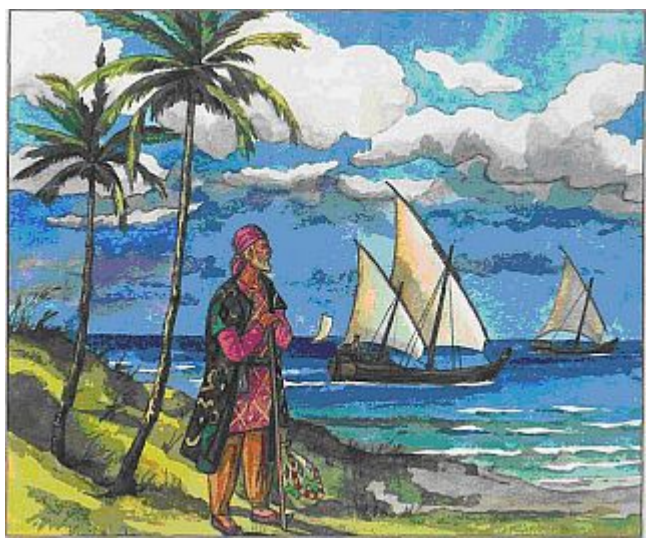
И вот все готово к возвращению. Только каким путем идти? Через священную для мусульман Мекку нельзя, там уж точно силой заставят принять ислам, а в Персии сплошные смуты, совершенно не располагающие к путешествиям.

«Князей везде выбили, — вспоминает Никитин. — Мирзу

Джеханшаха убил Узуосанбек, а Солтамусаитя окормили (отравили)…»

Никитин прощается со своими индийскими друзьями и начинает пробираться к берегу Индийского (Аравийского) моря. Пространствовав почти целый год, он наконец добрался до Дабула, одной из важнейших пристаней Малабарского побережья. Здесь нашел попутчиков и в феврале 1472 года отплыл от индийских берегов к Ормузу.

Мекка — город в Саудовской Аравии. Здесь родился основатель ислама Мухаммед. С VIIвека Мекка — священный город мусульман и место их паломничества.



И это плавание не обошлось без происшествий. Из-за густого тумана таву, на которой плыл Никитин, отнесло к берегам Эфиопии. Арабы (эфиопы, как называет их Никитин) в то время пользовались дурной славой, как морские разбойники. Но все обошлось благополучно: путники откупились от арабов, раздав им много риса, перца и хлеба.

Через пять дней снова пустились в путь, и еще через месяц Никитин высадился в Ормузе, так пленившем когда-то его купеческое сердце. Здесь прожил Афанасий 20 дней, собирая сведения и раздумывая о своем дальнейшем пути.

Как раз в это время в Персии началась война между Мухаммедом II (Мухаммед. II правитель Османской империи в 1451–1481 гг.), иУзун-Хаса-ном (Узун-Хасан — глава объединения туркменских племен). Никитин, опасаясь усиливающихся боевых

действий, спешит по уже знакомой ему дороге (через Шираз, Иезд и Брафероуш) и летом 1472 года приходит в стан Узун-Хасана на южном берегу Каспийского моря.

Что ж дальше? Идти через Астрахань Никитин боялся: слишком хорошо помнил вероломных грабителей-татар.

Как ни прикидывай и ни размышляй, но безопасных путей в окружавшем Афанасия мире не было. И все же, взвесив все, он решил направиться к Черному морю в Трапезунд.

Но в Трапезунде в нем заподозрили… вражеского лазутчика Узун-Хасана. Сначала за ним просто следили, а потом устроили обыск, ища в его пожитках каких-то «грамот». Ничего подозрительного, конечно, не нашли, но чиновники во всех странах одинаковы…

«Все, что мелочь добренькая, ини выграбили все», — записал Афанасий и тяжело вздохнул, подперев щеку ладонью. Особенно жалко было сердоликового ожерелья для любимой дочки.

Сразу после этого досадного случая Афанасий поспешил уговориться о переезде через Черное море и, заплатив за проезд золотой, взошел на корабль. Вышли в море, но встречный ветер погнал корабль обратно к Трапезунду. Пятнадцать дней стояли в гавани к западу от Трапезунда и еще два раза безуспешно пытались продолжить путь. Страдая от морской болезни и усилившейся лихорадки, Афанасий плакал и молился. В горячечном бреду ему казалось, что какой-то злой рок не пускает его на родину.

Наконец, на третий раз корабль вышел-таки в море, пересек его и с большим трудом доплыл до греческой колонии Балаклавы.

На этом записки Афанасия Никитина практически заканчиваются. Он лишь упоминает еще о своем прибытии в Каффу и заканчивает записки молитвой к единому Богу на смеси русского и восточных языков. Можно предположить, что Афанасий дождался в Крыму весны, и в марте вместе с ежегодным русским купеческим караваном отправился на Русь. Путь через Дикое поле был опасен, и, судя по всему, купцы шли из Каффы более безопасным путем, через Литву (в Москву купцы с записками приехали именно из Литвы).

Трапезунд (современный Трабзон — город-порт на берегу Черного моря (современная Турция), столица Трапезундской империи (1204–1461). Основана внуками византийского императора Андроника I.

«Милостию Божию преидох же три моря».

Пекарь, осмотрев Афанасия, негромко, но твердо сказал: — Если завтра возьмете его в дорогу, помрет еще до захода солнца.

— Верно ли говоришь? Нет ли ещё какого средства? — Степан Васильев сжал могучей рукой отвороты потертого халата и почти поднял в воздух невысокого смуглого человечка с горбатым арабским носом.

— Горячка у него и общее телесное истощение. А средств никаких, кроме моего питья, нету. Выживет — на то воля Аллаха.

— Христиане мы, — пробурчал мрачный, как ворон, Григорий, стоящий в стороне.

— Все мы в воле Бога, каким именем ни назови Его, — равнодушно промолвил лекарь. — И больной ваш, между прочим, в бреду на разных языках Бога призывал… И разными именами…

— Жизнь у него была нелегкая, вот и позабыл молитвы-то, — оправдывая товарища, пробасил Степан, потом добавил растерянно: — Чего ж нам делать-то теперь? Ведь совсем немного до его родной Твери осталось…

— Оставьте его здесь. Заплатите хозяевам, чтоб уход был, — предложил араб.

В горницу, вбежал слуга:

— Степан Василич! Там Афанасий Никитич очнулся, тебя зовет!

— Иду, иду уж! — Степан шагнул за порог.

В комнате, где лежал Афанасий, царили сумерки. Больной не выносил яркого света, и все окна позакрывали ставнями. Одинокая свеча горела у изголовья, да маленький огонек лампады мерцал возле иконы. Даже во тьме видно было, как страшно он исхудал, как ввалились виски и черными кругами обметало глазницы. Степан со свистом втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

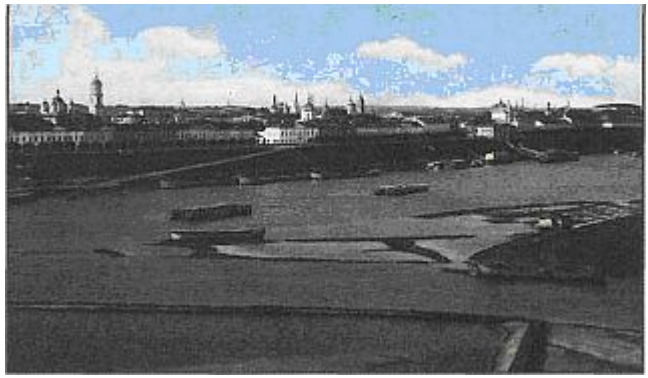
— Ну, Афанасий, — бодро сказал сурожанин. — На поправку

дело пойдет. Родная земля кого хочешь излечит!

— Степан, — едва слышно прошептал Афанасий. — Я, видно, скоро помру…

— Ну, что ты говоришь! — возмущенно перебил Степан, пряча глаза. — Вот лекарь говорит, надо тебе здесь полежать… Ехать нельзя. Хуже будет. А тут — бабы присмотрят. Что скажешь?

— Пусть, — Афанасий чуть пошевелил исхудавшей рукой. — Сделайте, как он велит. Пока я в памяти, слушай… — Степан присел у лавки на корточки, положил большие ладони на сенник, укрытый чистой холстиной. — Ты, Степан Васильев, честный купец, я тебе верю, как себе, поэтому прошу… Возьми мою котомку. Там алмазы индийские и другое… Никому не говори, снеси на Тверь. Долг у меня на родине… И жена Анфиса с ребятишками. Ты жену найди, спроси, кому сколько должен, она тебе запись покажет. Дом мой на посаде был, восточный конец, Купеческая улица. Долги раздай… Дочка Олюшка, невеста уже. Ей— украшения из котомки… Сделаешь, Степан? Христом Богом тебя молю… Самому-то мне уж не увидать родной сторонушки… — одинокая слеза скатилась по впалой щеке Афанасия и затерялась в пегой бороде.



Тверь. *Вид реки Тверцы*

Степан протянул руку и осторожно провел корявой ладонью по взмокшим волосам друга. — Все сделаю, Афанасий, не сумневайся. Да ты и сам в Тверь придешь, как поправишься. Женку обнимешь, детушек…

— Нет, ты обещай!

— Честью купеческой клянусь, добрым именем своим!

— Спасибо тебе, Степан, пока жив, буду за тебя Бога молить. А сейчас Гридку позови…

Гридка Жук, против обыкновения, был молчалив, лишь накрыл руку Афанасия своей.

— Помираю я, Гридка, — прошептал Афанасий. Григорий не стал ни в чем разубеждать, лишь сурово покачал головой, словно соглашаясь.

— Что сделать? — спросил он. — Послать в деревню за батюшкой? Есть тут один. Пусть исповедует тебя, соборует, причастит… Хочешь?

— Хочу, но… после… Выслушай меня, Гридка.

— Слушаю, Афанасий.

— Написал я о своем хожении за три моря…

— Знаю, — кивнул Жук.

— Там описал все. И земли индийские, и людей тамошних, и свои пути, и свои терзания…

— Понимаю, Афанасий. Душу свою ты вложил в этот труд.

— Истинно! — Афанасий слабо улыбнулся и даже чуть-чуть привстал на ложе. — Истинно понимаешь! Грех так говорить, но то исповедь моя… Помру, пропадет все…

— Что лучше сделать? Как ты мыслишь?

— Мысли путаются… Что бы ты посоветовал, Гридка? Ты — муж грамотный, смысленый…

— Я бы на Москву, ко князю Ивану твои записки снес. Ты —

тверитянин, но ведь князь Иван-то земли русские собирает. Ему и честь. Отдал бы записки в приказ, там не пропадут. Кому надо, те завсегда прочтут.

— Грешил я много, Гридка… Веру забыл. В записках видно… Разгневается князь…

— Князь Иван — мудрый человек. С разными верами общий язык ищет. С Венецией вон и с Ширваном. А ты столько всего повидал… Вер много, Бог — один. Он милостив, тебя не оставит.

— Коли б так… Пусть будет по-твоему, Гридка. Возьми тетрадь мою и снеси на Москву, к князь-Ивану. Караван завтра дальше идет?

— С рассветом выходим. До Смоленска один переход остался. Но лекарь велел тебя здесь оставить. Бог даст, еще на ноги встанешь, свидимся…

— Прощай, Григорий. Спасибо тебе и храни тебя Господь!

— Прощай, Афанасий. Да пребудет с тобой милость Его!

Наклонившись, Гридка взял протянутую тетрадь, обнял Афанасия и, сдерживая слезы, почти выбежал из комнаты.

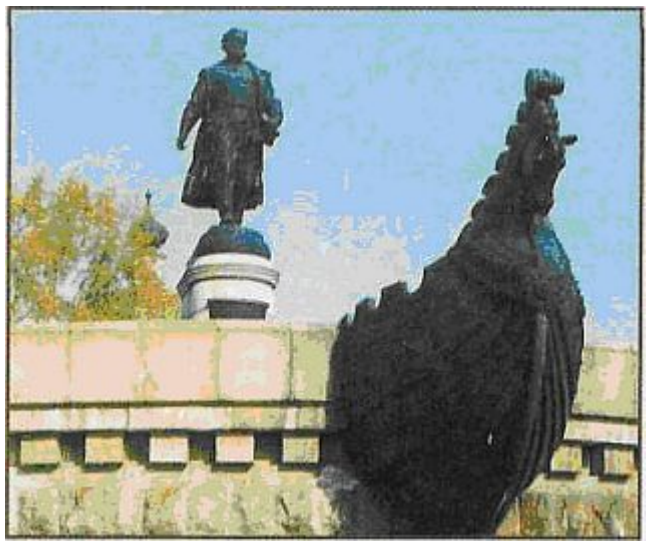
Что стало с Афанасием Никитиным дальше, мы не знаем. Может быть, он скончался от лихорадки, не дойдя каких-то 200 километров (два часа езды на хорошей машине!) до родного города. А может быть, его могучий, закаленный скитаниями дух и на этот раз справился с болезнью, и Афанасий встал на ноги, вернулся в родную Тверь, обнял жену и детей и мирно прожил свою купеческую жизнь. Мы можем только гадать…

Но вот что известно наверняка…

В 1475, году в Моск-ву̂озвратились из Литвы русские купцы. Они привезли с собой толстую тетрадь каких-то записок и передали ее великокняжескому дьяку Василию Ма-мыреву. Дьяк ознакомился с рукописью и передал ее летописцу. Монах-летописец в свою очередь записал:

Иван III Васильевич — с юных лет стал помощником своего незрячего отца Василия II. С 1462 года — великий московский князь. Присоединил к Московскому княжеству другие земли — Ярославское и Ростовское княжества, Новгородскую землю, впоследствии (уже после «хожения» Никитина) и Тверское княжество. В его правление Русь превратилась в Российское государство.

В. Нагорнов. Возвращение из похода



Памятник Афанасию Никитину в Твери

Васко да Гама — португальский путешественник, считается европейским «первооткрывателем» Индии. Посетил Индию в 1499 году.

«В год 6983 (1475). В том же году получил записи Афанасия, купца тверского, был он в Индии четыре года, а пишет, что отправился в путь с Василием Папиным. Я же расспрашивал, когда Василий Папин послан был с кречетами послом от великого князя, и сказали мне — за год до Казанского похода вернулся он

из Орды, а погиб под Казанью, стрелой простреленный, когда князь Юрий на Казань ходил. В записях же не нашел, в каком году Афанасий пошел или в каком году вернулся из Индии и умер, а говорят, что умер, до Смоленска не дойдя. А записи он своей рукой писал, и те тетради с его записями привезли купцы в Москву…» С тех пор прошло более пятисот лет… За это время записки Афанасия Никитина много раз переписывались, а потом и переиздавались. Знаменитый историк Н.М. Карамзин, который обнаружил в летописях глубоко поразившие его записки Никитина, писал:

«Доселе географы не знали, что честь одного из древнейших, описанных европейских путешествий в Индию принадлежит России Иоаннова (Иванова) века…, что индийцы слышали о ней (России) прежде, нежели о Португалии, Голландии, Англии. В то время, как Васко да Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш тверитянин уже путешествовал по берегу Малабара…» Много стран посетил Афанасий Никитин, но больше всех любил он свою родину, Русь. И спустя много лет в России помнят светловолосого купца-путешественника, мудрого и внимательного наблюдателя чужих народов и обычаев. А на берегу Волги, в Твери, там, откуда полтысячи лет назад начал свое путешествие Никитин, стоит памятник этому замечательному русскому человеку. Смотрит Афанасий на родные просторы и улыбается чуть заметной улыбкой. Все-таки он вернулся домой!

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ
МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО
ЗОЛОТАЯ ОРДА
ТУРЦИЯ
ПЕРСИЯ
АРАВИЯ
ИНДИЯ
АФРИКА
ИНДОСТАНСКОЕ МОРЕ